

Торайғыров университетінің
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Торайғыров университета

**ТОРАЙҒЫРОВ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ**

Гуманитарлық сериясы
1997 жылдан бастап шығады

**ВЕСТНИК
ТОРАЙҒЫРОВ
УНИВЕРСИТЕТА**

Гуманитарная серия
Издается с 1997 года

ISSN 2710-3439

№ 3 (2025)

Павлодар

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Торайгыров университета

Гуманитарная серия
выходит 4 раза в год

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о постановке на переучет периодического печатного издания,
информационного агентства и сетевого издания
KZ46VP400029271
выдано

Министерством информации и общественного развития
Республики Казахстан

Тематическая направленность
публикация материалов в области истории,
правоведения и общественных наук

Подписной индекс – 76131

<https://doi.org/10.48081/QTJD6720>

Бас редакторы – главный редактор
Аубакирова С. С.
доктор PhD

Заместитель главного редактора Кожамжарова М. Ж., к. филос. н.
Ответственный секретарь Искакова З. С. магистр

Редакция алқасы – Редакционная коллегия

Ветренко И. А.,	д. полит. н., профессор (Россия);
Шашкова Я. Ю.,	д. полит. н., профессор, (Россия)
Дронзина Т. А.,	д. полит. н., профессор (София, Болгария)
Севальников А. Ю.,	д. филос. н., профессор (Россия);
Уразалиева Г. К.,	к. филос. н., доцент (Россия);
Акишев А. А.,	д. полит. н., профессор;
Таштемханова Р. М.,	д. и. н., профессор;
Сағикызы А.,	д. филос. н., профессор;
Карипбаев Б. И.,	д. филос. н., профессор;
Альмуханов С. Х.,	к. филос. н., доцент;
Алтыбасарова М. А.,	к. полит. н., ассоц. профессор (доцент);
Ермаханова С. А.,	к. социол. н.;
Ахметова Г. Г.,	к. филос. н.;
Ермагамбетова К. С.,	доктор PhD;
Альджанова Н. К.,	доктор PhD;
Абдикакимов М. Т.,	доктор PhD;
Уызбаева А. А.,	доктор PhD;
Кадыралиева А. М.,	доктор PhD;
Шакиров С. Е.,	доктор PhD;
Азербайев А. Д.,	доктор PhD;
Кулумжанов Н. Е.,	доктор PhD;
Шокубаева З. Ж.	(тех. редактор).

МАЗМҰНЫ
СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

«ФИЛОСОФИЯ» СЕКЦИЯСЫ
СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФИЯ»
SECTION «PHILOSOPHY»

Akhmetova G. G., Matenova Zh. N.

Philosophical foundations of compliance culture
in the modern university: ethics, freedom, and institutional trust..... 4

Zhumasheva L. Zh.

Modernization as a way to the development of modern society..... 17

Мажитова А. Ә.

Традиционные и западные ценности
в мировоззрении казахстанской молодёжи 26

Салимова Р. С., Уразалиева Г. К.

Философия образования в условиях цифровизации:
человек против алгоритма? 36

Севальников А. Ю., Саги Е.

Ценность как философская проблема..... 45

Авторлар туралы ақпарат

Сведения об авторах
Information about the authors..... 60

Авторларға арналған ережелер

Правила для авторов
Rules for authors 63

Жарияланым этикасы

Публикационная этика
Publication ethics..... 75

За достоверность материалов и рекламы ответственность несут авторы и рекламодатели

Редакция оставляет за собой право на отклонение материалов

При использовании материалов журнала ссылка на «Вестник Торайгыров университет» обязательна

«ФИЛОСОФИЯ» СЕКЦИЯСЫ

SRSTI 02.15.61

<https://doi.org/10.48081/ECAA8826>***G. G. Akhmetova¹, Zh. N. Matenova²**^{1,2}Toraighyrov University,
Republic of Kazakhstan, Pavlodar¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2904-3819>²ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7457-3811>e-mail: gaukharika@mail.ru**PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF COMPLIANCE CULTURE IN THE MODERN UNIVERSITY: ETHICS, FREEDOM, AND INSTITUTIONAL TRUST**

This article offers a philosophical interpretation of compliance culture within the modern university as a form of ethical and normative organization of academic life. Compliance is understood not merely as a mechanism of legal and regulatory conformity, but as a proactive system of values and norms aimed at fostering a responsible and just educational environment. Drawing on classical philosophical traditions, compliance culture is conceptualized as the “moral architecture” of the university – a normative framework that ensures a balance between rule-based governance, academic freedom, and mutual trust.

The university, in this perspective, is not only a site of knowledge transmission (episteme), but also a moral space where collective norms of justice, responsibility, and autonomy are shaped. Through the lens of the ethics of responsibility, the phenomenology of trust, and critiques of institutional reason, the article explores how compliance culture contributes to the moral legitimacy of the academic community. The authors argue that fostering such a culture requires a careful balance between normative structures and the existential freedom of academic actors. In the context of digitalization and increasing regulatory pressures, compliance is emerging as an essential element of the philosophy of education and a new form of institutionalized humanism.

Keywords: compliance culture, trust, responsibility, ethics, freedom.

Introduction

Compliance derived from the English term *compliance*, meaning adherence or conformity – originally emerged as an institutional response from the private sector to the increasing complexity of legal and ethical regulation. Its roots can be traced back to anti-corruption and antitrust practices developed in the United States during the 1970s and 1980s, later codified in international frameworks for corporate conduct. However, in the 21st century, compliance has expanded beyond the realm of business into new domains, notably the field of education – and in particular, higher education institutions such as universities, which serve as key sites of public rationality.

This expansion is driven by a gradual increase in regulatory complexity, growing demands for legal accountability, and heightened societal and governmental expectations for transparency and integrity in university governance. As a result, the university is increasingly regarded not only as a subject of educational activity but also as an object of ethical and legal regulation.

Modern universities increasingly attract attention as institutions expected not only to transmit knowledge but also to reproduce ethical norms, social trust, and normative stability. In the context of digital transformation, globalization, and growing legal accountability, the importance of mechanisms ensuring not only legal compliance but also moral legitimacy within the academic environment is rising.

The idea of implementing a compliance culture in universities stems from the evolving mission of the university as an autonomous, responsible, and ethically oriented institution. Against the backdrop of globalization, digitalization, and increasing demands for transparency in academic processes, universities worldwide have begun establishing specialized compliance units tasked with monitoring adherence to legislation, academic ethics, internal regulations, and principles of integrity.

In this context, the phenomenon of compliance culture – an institutional practice situated at the intersection of law, ethics, and the philosophy of education – gains increasing relevance. The shift from formal compliance to compliance culture signifies a movement from external control to internal normativity, from mere regulation to value orientation, and from fear of sanctions to conscious adherence to just norms. Philosophical reflection on compliance reveals its deeper foundations: compliance is not merely a risk management technique but a form of institutionalized ethics aimed at sustaining the conditions for moral action within the university. This approach requires moving beyond administrative discourse and engaging conceptual tools from transcendental philosophy, phenomenology, ethics of responsibility, and the social philosophy of trust. According to the philosophical tradition from Plato to Ricœur, the university as a “locus of ethics”

should be not only a space for knowledge but also a place of ethical formation and normative stability.

The aim of this article is to provide a philosophical interpretation of compliance culture as a form of the university's ethical architecture. The study focuses on identifying the transcendental and ontological foundations of compliance, its role in fostering a trusting and just academic environment, as well as analyzing the relationship between normative order and academic autonomy. Compliance is understood as an expression of the ethics of responsibility and as a condition for ethical behavior within the framework of institutional rationality. Special attention is given to the philosophical grounds of normativity, the concept of "trust" as an ethical category, and the role of compliance in addressing moral erosion within the educational system.

Materials and Methods

The study employs an interdisciplinary approach combining philosophical, ethical-normative, and institutional frameworks of analysis. The materials include both regulatory documents governing the activities of compliance units in universities and philosophical works by classical and contemporary thinkers exploring concepts of autonomy, responsibility, trust, and normative order.

The main methodological foundations of the study comprise:

Phenomenological analysis to reveal the ontological foundations of compliance culture as a form of care and authenticity within the academic environment.

Hermeneutic method for interpreting the normative and ethical bases of the compliance institution in the context of the university as a locus of morality and knowledge.

Normative-analytical approach to substantiate the concept of compliance culture as an expression of the ethics of responsibility and the transcendental conditions of institutional trust.

Sociocultural and discourse analysis to consider compliance as a form of normative power and a structured field of possibilities for ethical action within the university.

Comparative institutional analysis employed in contrasting traditional compliance with compliance culture, as well as in evaluating international standards (notably ISO 37001:2025) [1]. The source base of the article includes normative documents and international compliance standards, academic literature on philosophy of education, ethics, law, and management, as well as conceptual works by I. Kant, J. Habermas, M. Weber, P. Ricœur, M. Foucault, among others.

Thus, the article combines philosophical reflection and applied analysis, enabling a holistic conceptualization of compliance culture as a transcendental condition for an ethical university in an era of normative and digital uncertainty.

Results and Discussion

Since antiquity, from Plato to Humboldt, the university has been conceived not only as a *locus* of knowledge but also of ethical order. In the classical German tradition (Kant, Fichte), the university is understood as an autonomous institution that produces not only knowledge but also values, including a normative framework regulating the behavior of members of the academic community. In this context, one can speak of the university's ethical architecture as an integrated system of internal norms, principles, and procedures aimed at ensuring justice, accountability, and integrity. From a philosophical perspective, the university is thus not merely a transmitter of knowledge (*episteme*) but also a bearer of a certain normative order. As Jürgen Habermas notes, education - conceived as a process of critical socialization - should prepare individuals to participate in communicative action directed toward achieving consensus and developing shared norms that regulate the lifeworld [2].

From a philosophical perspective, "architecture" is not merely an organizational structure but also an ontological form that ensures the coherence of the elements of being. In the case of the university, this refers to the interaction between academic freedom and internal responsibility. Here, ethics functions not as an external norm but as an immanent element of the university's very identity.

In this sense, the compliance office is not simply a control body but the institutional embodiment of ethical reason, formalized through procedures, instructions, codes, and feedback mechanisms. It materializes normativity by making it verifiable, comprehensible, and applicable in concrete cases such as discrimination, conflicts of interest, abuse of power, and so forth.

In the classical managerial and legal context, compliance is understood as a system ensuring that an organization's activities conform to internal policies, codes, and external requirements - legal, regulatory, and ethical. ISO 37001:2025 defines compliance as the fulfillment of all mandatory and voluntarily adopted requirements, including laws, regulations, standards, and codes of conduct [1]. In this understanding, compliance focuses on formal procedures such as risk assessment, control mechanisms, internal investigations, and reporting.

Compliance culture, however, is a deeper, more complex phenomenon with a value-based and philosophical dimension. It is not merely a control system but an ethical atmosphere in which adherence to norms is experienced as an internal motivation rather than external pressure. It can be described as "an organizational environment where integrity, accountability, and adherence to rules are integrated

into daily behavior and decision-making”. Compliance culture is built not on fear of sanctions but on the internal acceptance of just norms as a given and implies the formation of stable ethical attitudes rather than mere adherence to instructions.

Table 1 – Comparison of Compliance and Compliance Culture

Criterion	Compliance	Compliance Culture
Main Focus	Ruleadherence	Ethical thinking and motivation
Foundation	Law, regulations	Values, norms, trust
Approach	Reactive: violation prevention	Proactive: fostering ethical environment
Role of the Individual	Subordinate system participant	Ethical virtue, ethics of responsibility
Domain	Jurisprudence, audit, HR	Philosophy, ethics, corporate culture, and management

Compliance as a system is necessary, but its effectiveness and sustainability directly depend on the presence of a compliance culture. The latter serves as an ethical foundation that allows the university to be not merely bureaucratically correct but morally legitimate. Compliance culture is not an external shell but an internal form of the university’s ethics through which its authentic mission is realized.

In this context, compliance culture can be understood as an expression of the institution’s conscious care for adhering to moral and legal norms. It can be argued that the institutionalization of compliance culture in universities represents a transition from the “ethics of conviction” (*Gesinnungs ethik*) to the “ethics of responsibility” (*Verantwortungs ethik*) in the Weberian sense [3]. According to Max Weber, the ethics of conviction focuses on the purity of the subject’s intentions regardless of the consequences of their actions, whereas the ethics of responsibility entails consideration of the consequences and acceptance of moral accountability for them.

Within this framework, compliance acts as the practical embodiment of the ethics of responsibility in the academic environment. It requires not only a declarative commitment to moral principles but also their institutional safeguarding through control, prevention, and accountability. Thus, compliance culture transforms the moral landscape of the university by turning moral intuition into a system of stable norms and procedures capable of minimizing risks and ensuring the ethical legitimacy of the institution’s activities.

The university, as a structure encompassing various forms of power (academic, administrative, and expert) must bear responsibility not only for

outcomes but also for the means by which these outcomes are achieved. A formalized compliance culture creates conditions for the ethical functioning of the university through internal procedures of self-monitoring, conflict of interest prevention, anti-discrimination measures, and the protection of the rights of all participants in the educational process. Here, another philosophical category emerges: trust. University culture increasingly builds upon the principle of trust-based governance – management founded on trust. As Paul Ricœur noted, trust is an integral part of social ethics and the foundation of moral interaction [4]. According to Ricœur, trust is not a fixed or once-and-for-all achieved reality; rather, it constitutes a dynamic ethical relationship that requires constant confirmation, justification, and careful maintenance. Trust presupposes both personal and institutional responsibility for the alignment of words and actions, as well as for preserving the stability and authenticity of interpersonal and social bonds. In the context of the university, which simultaneously serves as a space for critical thinking and moral development, trust from students, their families, society, and the state constitutes the basis of its legitimacy. However, trust is not a spontaneous feeling but an institutionalized value that demands protection and reproduction. The compliance system serves as an instrument for cultivating this environment of trust through transparency of decisions, fairness of procedures, and openness of communication.

- In the university context, trust has three dimensions:
- The trust of students in their instructors and the evaluation system,
- The trust of instructors in administrative decisions,
- The trust of society in graduates as bearers of competence.

Compliance in a university setting is not a tool of fear but a guarantor of trust – provided it is transparent, fair, and predictable. Violations resulting from the absence of compliance (fraud, nepotism, ethical abuse) are not merely deviations but represent the destruction of the symbolic capital of trust. In this regard, the compliance control institution functions as a formalized mechanism of ethical oversight aimed at ensuring transparency, accountability, and the prevention of abuses.

The absence of a compliance culture can lead to moral erosion, a decline in ethical reflection, and reputational damage, thereby undermining both public trust and the university’s capacity to fulfill its humanistic and educational mission.

In accordance with Hans Jonas’s concept of the “ethics of responsibility”, the moral imperatives of the contemporary age consist not only in acting “here and now” but also in the long-term anticipation of the consequences of our decisions, particularly with regard to future generations and the sustainability of institutions [5]. Compliance culture can be understood as a specific mode

of institutionalizing ethics in the spirit of Jonas's "ethics of the future" which entails accepting responsibility for systemic consequences. Unlike mere formal compliance, compliance culture requires the internalization of norms- their lived experience, acknowledgment, and embodiment in action.

Applied to the university context, this implies the necessity of institutional mechanisms capable of preventing moral and legal deviations before their actual occurrence. In this regard, the establishment of compliance structures in higher education institutions represents not a reactive but a proactive strategy: they do not merely respond to ethical or legal violations after the fact, but create conditions for their prevention by fostering a stable normative culture grounded in the values of transparency, accountability, and trust. Thus, compliance institutions become instruments for realizing the ethics of the future, ensuring both the legal protection of the university and the preservation of its reputational and moral resilience over the long term.

Heidegger's philosophy offers a perspective on compliance through the lens of authenticity and care. The university, as a community of beings-in-the-world (students, faculty), is in constant struggle with inauthenticity – regulations, reports, KPIs. Nevertheless, genuine compliance culture does not substitute existence with normativity; rather, it creates a space for being-with-responsibility.

Thus, compliance is not control for the sake of control, but a form of institutional care for the future – an instrument for preventing the moral bankruptcy of the education system. Following Kant [6], the categorical imperative states: "Act only according to that maxim whereby you can at the same time will that it should become a universal law". From Kant's perspective, this entails a transition from heteronomous to autonomous fulfillment of duty: a university member observes norms not out of fear, but out of respect for the moral law, universalized within professional practice. This understanding aligns compliance culture with the notion of a moral ecology – a stable cultural field that shapes the subject in accordance with the transcendental conditions of morality.

The compliance office operates within the logic of Kantian universalism: it does not prohibit but rather normativizes, formulating conditions under which every member of the academic community can act ethically without fear of repression, coercion, or unequal opportunities. Here, compliance does not oppose academic freedom; on the contrary, it creates a space of legitimacy for it, purging it of arbitrariness, discrimination, and corruption.

Paradoxically, the presence of a compliance office may ensure the realization of academic freedom rather than its suppression. In conditions of transparency, fairness, and institutional accountability, teachers and researchers are free from arbitrariness, coercion, and political or clan manipulations. The philosophical

challenge of compliance in education manifests as a tension between institutional normativity and academic freedom. According to Isaiah Berlin [7], freedom can be understood as either negative freedom (freedom from interference) or positive freedom (freedom to realize oneself). Compliance risks being perceived as a limitation of negative freedom: the teacher may feel surveilled, and the student suspected.

However, from a positive interpretative perspective, such as in Schelerian phenomenology of values [8], compliance becomes a means of upholding respect, recognition, and justice within the educational space. Here, the figure of the compliance officer emerges not as a mere overseer but as a guarantor of the value order. Compliance ensures that freedom does not become a cover for violence, and power does not become a cover for corruption.

In this sense, compliance appears as a transcendental condition of genuine autonomy: it creates an infrastructure in which free thought, equal access, and fair competition are possible. Violations of academic integrity, unethical behavior, and abuse of power are not only legal risks but also an undermining of the very foundation of the university ethos. Therefore, compliance is not an external system of control but a mechanism of self-monitoring institutional rationality. Compliance can be understood as a transcendental form of regulation: not an external coercive force, but an internal structure of the conditions enabling ethical conduct of the university as a subject. As Michel Foucault noted [9], power can be disciplinary or normative. Compliance embodies normative power – the power that shapes the "fields of possibility" without violence but with a high degree of structural determination.

Digital transformation intensifies ethical risks: data, artificial intelligence, and remote learning formats all create new fields of vulnerability. In this context, the role of the compliance office becomes systemic: ranging from technical adherence to all regulations to the ontological protection of the educational subject from dehumanization. In this sense, compliance represents a new form of humanism – both institutionalized and operational. With the growth of digital transformation, cross-border education, and increased attention to ESG (Environmental, Social, and Governance) indicators, the role of compliance will only continue to strengthen. International initiatives, such as The Research Ethics Education Initiative and Horizon Europe, underscore the necessity for an ethical architecture within universities.

Philosophical analysis reveals that compliance in the university context is not merely an administrative function, but an existential and ethical obligation of the university as a bearer of social trust and moral legitimacy. Only within a balance of

normativity, freedom, and care can an institutional environment be created where compliance is not a form of fear, but an expression of the ethics of responsibility.

In this sense, compliance culture constitutes a philosophically significant practice, deserving special attention as part of contemporary philosophy of education. The compliance office in the modern university is not simply a control mechanism but a philosophical form of ethical reflection and normative order. It forms part of the university's ethical architecture by fostering trust, justice, and transparency as conditions for the possibility of authentic education.

Its function is not restriction, but the facilitation of an ethical university in an era of post-classical science and digital uncertainty.

In this context, compliance should not be understood solely as an instrument of normative control or legal regulation. Rather, it represents an element of what Immanuel Kant termed the “transcendental conditions of possibility” for practical reason and morality – that is, the conditions without which the very realization of categories such as duty, responsibility, and trust within the university environment would be impossible. Compliance structures establish formal frameworks within which the subject (be it a professor, staff member, or student) is capable of carrying out meaningful and morally responsible actions. They institutionalize a space where individual freedom can be harmonized with normative necessity. In other words, compliance functions as a transcendental a priori of institutional ethics: not merely the consequence of external regulation, but the condition of possibility for the practical enactment of autonomy in the context of interaction with the Other.

From this perspective, compliance culture can be interpreted as a form of “institutional a priori trust”, which delineates the boundaries of the permissible, thereby ensuring normative stability without which the university cannot exist as a moral community. It does not merely react to deviations but shapes the architecture of expectations and responsibility, embedding morality into the fabric of university life. This allows compliance to be understood as a mediator between the transcendental foundations of morality and the empirical conditions of academic institutions' functioning.

Thus, the function of compliance culture in the transcendental perspective lies in enabling ethical action within the framework of institutional rationality - an action that not only conforms to norms but is rooted in a deeper horizon of moral duty and a universalizable principle.

Conclusions

Compliance in the university should be understood not as a tool of external oversight, but as an institutionalized form of care rooted in the ethics of responsibility. It performs a transcendental function as a normative a priori – establishing the conditions under which ethical behavior of individuals within the

academic community becomes possible. This approach allows compliance to be viewed not as a threat to freedom, but as its guarantor, ensuring the legitimacy and resilience of the university's mission in the era of post-classical science and digital uncertainty.

Compliance culture shapes the ethical architecture of the university: it does not suppress but creates through trust, transparency, and justice. A university operating within the logic of moral responsibility becomes not merely a place of education, but a space for moral formation and institutional autonomy. In this context, compliance acts as a mediator between normative necessity and individual freedom, between ethical imperative and organizational reality. Thus, compliance culture represents a philosophy of active ethics embedded within the structure of university being, and a form of contemporary institutional humanism oriented towards the future.

References

- 1 ISO 37001:2025 Anti-bribery management systems – Requirements with guidance for use. – 2025. – 70 p.
- 2 **Jürgen Habermas** The theory of communicative action, V.1 / Translated by Thomas McCarthy. – Beacon Press Boston, 1984. – 562 p.
- 3 **Christopher Adair –Toteff**. The Theological Context for Weber's Two Types of Ethics, *Revue internationale de philosophie* 2016. – № 276. – P. 231–251. [Electronic resource]. – <https://shs.cairn.info/revue-internationale-de-philosophie-2016-2?lang=fr>
- 4 **Paul Ricoeur**. Memory, History, Forgetting / Translated from French by Kathleen Blamey and David Pellauer. – Chicago: University of Chicago Press, 2004. – 661 p.
- 5 **Hans Jonas**. The Imperative of Responsibility: In Search of Ethics for the Technological Age. – Chicago: University of Chicago Press, 1984. – 263 p.
- 6 **Immanuel Kant**. Critique of Practical Reason / Translated, with an Introduction, by Lewis White Beck, Professor of Philosophy, University of Rochester. – A LIBERAL Arts Press Book, 168 p.
- 7 **Isaiah Berlin**. Two Concepts Of Liberty, Four Essays On Liberty. – Oxford, England: Oxford University Press, 1969. – P. 118–172. [Electronic resource]. – https://cactus.utahtech.edu/green/B_Readings/I_Berlin%20Two%20Concpets%20of%20Liberty.pdf
- 8 **James Edward Hackett**. Scheler's Phenomenological Ontology of Value: Implications and Reflections for Ethical Theory, 5–1–2013. – Southern Illinois University Carbondale, 222 p.

9 **Michel Foucault**. Discipline and Punish, The Birth Of The Prison / Translated from the French by Alan Sheridan. Vintage Books, a Division of Random House. Inc. – New York, 1977. – 333 p.

10 **Adam Hedgcoe** Reputational Risk, Academic Freedom and Research Ethics Review // Sociology. – Vol. 50. – Issue 3. – June 2016. – P. 486–501. [Electronic resource]. – <https://doi.org/10.1177/0038038515590756>.

Received 01.08.25.

Received in revised form 04.08.25.

Accepted for publication 03.09.25.

*Г. Г. Ахметова¹, Ж. Н. Матенова²

^{1,2}Торайғыров университеті,

Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.

01.08.25 ж. баспаға түсті.

04.08.25 ж. түзетулерімен түсті.

03.09.25 ж. басып шығаруға қабылданды.

ҚАЗІРГІ УНИВЕРСИТЕТТЕ КОМПЛАЕНС МӘДЕНИЕТТІҢ ФИЛОСОФИЯЛЫҚ НЕГІЗДЕРІ: ЭТИКА, БОСТАНДЫҚ ЖӘНЕ ИНСТИТУЦИОНАЛДЫҚ СЕНІМ

Мақалада қазіргі заманғы университеттегі комплаенс-мәдениет философиялық тұрғыдан этикалық және нормативтік академиялық өмірді ұйымдастырудың ерекше формасы ретінде қарастырылады. Комплаенс тек заңдар мен ережелерді сақтау механизмі ретінде ғана емес, сонымен қатар жауапты әрі әділетті білім беру ортасын қалыптастыруға бағытталған құндылықтар мен нормалардың белсенді жүйесі ретінде пайымдалады. Классикалық философия идеялары негізінде комплаенс-мәдениет университеттің «моральдық архитектурасы» ретінде – ережелер, академиялық еркіндік пен өзара сенім арасындағы тепе-теңдікті қамтамасыз ететін ішкі құрылым ретінде түсіндіріледі. Бұл тұрғыдан алғанда университет тек білім беру кеңістігі (episteme) емес, сонымен қатар әділеттілік, жауапкершілік пен автономияның ұжымдық нормалары қалыптасатын алаң ретінде қабылданады. Жауапкершілік этикасы, сенім феноменологиясы және институционалдық билік сындары арқылы комплаенс-мәдениеттің академиялық қауымдастықтың моральдық легитимдігін қалай қамтамасыз ететіні зерттеледі.

Авторлар мұндай мәдениетті дамыту академиялық үдерістің барлық қатысушылары үшін ішкі нормативтілік пен тұлғалық еркіндік арасындағы нәзік тепе-теңдікті талап ететінін атап өтеді. Цифрландыру мен нормативтік қысым күшейген жағдайда комплаенс жай ғана әкімшілік құрал емес, білім философиясының маңызды элементі әрі университет болашағына бағытталған жаңа гуманистік қамқорлық формасы ретінде ұсынылады.

Кілтті сөздер: сәйкестік мәдениеті, сенім, жауапкершілік, этика, еркіндік

*Г. Г. Ахметова¹, Ж. Н. Матенова²

^{1,2}Торайғыров университет,

Республика Казахстан, г. Павлодар.

Поступило в редакцию 01.08.25.

Поступило с исправлениями 04.08.25.

Принято в печать 03.09.25.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ КОМПЛАЕНСА В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ЭТИКА, СВОБОДА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ

В статье представлено философское осмысление комплаенс-культуры в современном университете как особой формы этической и нормативной организации академической жизни. Комплаенс рассматривается не только как механизм соблюдения законов и правил, но как активная система ценностей и норм, призванная формировать ответственную и справедливую образовательную среду. На основе идей классической философии комплаенс-культура интерпретируется как «моральная архитектура» университета – внутренняя структура, обеспечивающая равновесие между правилами, академической свободой и взаимным доверием. Университет, согласно этому подходу, понимается не просто как место передачи знаний (episteme), но как пространство, где формируются коллективные нормы справедливости, ответственности и автономии. Через призму этики ответственности, феноменологии доверия и критики институциональной власти исследуется, как комплаенс-культура обеспечивает моральную легитимность академического сообщества. Авторы подчёркивают, что развитие такой культуры требует тонкого баланса между внутренней нормативностью и

личной свободой участников академического процесса. В условиях цифровизации и роста нормативного давления комплаенс становится не просто административным инструментом, а важной частью философии образования и новой формой гуманистической заботы о будущем университета.

Ключевые слова: культура соответствия, доверие, ответственность, этика, свобода

SRSTI 02.41.11

<https://doi.org/10.48081/FYQA6954>

***L. Zh. Zhumasheva**

Toraighyrov University,
Republic of Kazakhstan, Pavlodar

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2142-0218>

e-mail: laridose@mail.ru

MODERNIZATION AS A WAY TO THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

There is still no consensus on what specific paths of social development are necessary to improve the living conditions of society. As some studies show, different cultures may have different ideas about how social development should occur, and that preferred trajectories of social development may differ across cultures [1, p. 731]. The purpose of this article is to explore modernization as one of the ways of development of modern society and to show what positive and negative consequences this process has. It should be noted that the theory of modernization does not lose its relevance, since today modernization is considered not only as a process of replacing a traditional society with a modern one, but above all as social changes in society through its holistic qualitative renewal [2, p. 83].

The value of this study lies in the application of the identification of positive and negative aspects of modernization for the development of key recommendations within the framework of the development of modernization processes in Kazakhstan. To reveal the phenomenon of modernization the following methods and principles were used: the principle of historicism, the principle of concreteness, comparative analysis, categories of essence and phenomenon, form and content.

Keywords: modernization, social development, modern society, globalization, digital revolution.

Introduction

The transition of a traditional civilization into a modern one is known as modernization. Advancement, or betterment and positive onward motion, is what modernization stands for [3, p. 200].

Society strives to innovate and make use of its resources, patterns, techniques, and knowledge from the past, present, and future as it modernizes. A culture becomes more self-assured, self-reliant, versatile, and self-sufficient as a result. The realization of modernity's distinctiveness allows society to grow and progress beyond its knowledge. Modernization reveals society's distinctiveness and its potential to grow and progress beyond its previous state.

Another way to characterize modernization is as a social shift incorporating aspects of science and technology. The entire system of social interactions has undergone extraordinary changes as a result of scientific and technical advancement, with new ideas replacing old ones.

Modernization theory was developed in the US in the 1950s and 1960s by students at Columbia University, including W. W. Rochester and David Apter [4, p. 4].

Once started, modernization is a broad process of profound social change that tends to permeate all spheres of existence, including social interactions, political institutions, and economic activity. This process is self-reinforcing. An acute awareness of innovation and change is a byproduct of modernization and is associated with the notion that human societies are developing [5].

A stage of social development known as modernization occurs when a traditional society is changed to a modern one. It has placed emphasis on the evolution of the economic backdrop as a determinant factor in social development, transforming an economy centered on agricultural into one that is focused on industry. Modernization can be understood as a blend of industrialization, urbanization, and westernization since industrial progress has intensified the pressure of urbanization, leading to the practice of westernization.

This article explores the concept and practice of modernization on a global scale. It delves into the various forms modernization and further analyzes the impact of modernization on both social structures and economic systems. Finally, the article also looks at the challenges that come with modernization [3, p. 203].

Materials and methods

Author relied on interdisciplinary methodology, methods of comparative studies, historicism, as well as general scientific methods such as analysis, synthesis, etc.

This study is highly based on secondary sources of information. Researcher used library method of collecting relevant facts and needy information. Books, article, journal articles of various prominent authors have been used. This article is based on descriptive and analytical method of study.

The significance of the research lies in the possibility of using the results obtained in shaping the strategy and vector of the development of modern society.

Results and discussion

After World War II, many countries experienced rapid economic modernization and reconstruction. The application of scientific principles to industry, known as the scientific and technological revolution, played a crucial role. The rise of multinational corporations and globalization started to reshape economic structures, fostering increased international trade and investment. The digital revolution significantly altered the economic landscape, enabling faster communication, automation, and the development of new industries. Globalization intensified as information and capital flowed more freely across borders. In the 21st century, economic modernization continues to be driven by technological innovations, including artificial intelligence, biotechnology, and renewable energy. There is a growing emphasis on sustainable development, with a focus on environmentally responsible practices and social inclusivity.

Policy makers are grappling with the challenge of ensuring that economic modernization benefits all segments of society and do not exacerbate existing inequalities. So, different scholars of university were attracted to study in the various dimension of modernization.

Modernization is a complex and multifaceted process that involves changes in various aspects of society, including economic, political, social, cultural, and technological dimensions. Different forms or dimensions of modernization can be identified based on these aspects. Here are some key forms of modernization: urbanization, industrialization, westernization [3, p. 204].

Modernization in developing countries can present several problems, despite its potential benefits. Some concerns or challenges can be discussed as follows: Growing Inequality, Environmental Degradation, Urbanization Challenges, Dependency on Foreign Investment, Cultural Displacement, Political Instability [3, p. 204].

There is a great debate on whether modernization is good or bad. Some pessimists advocates that it has increased dependency on other countries and introduced social and cultural hazards in society, while optimists say that it is a means of introducing new trends and ideas by replacing traditional trends. Modernization can have positive and negative effects on cultural, political, and economic life. It affects internal and external policies. Therefore, the impact of modernization can be studied from both perspectives. The positive impacts of modernization can be studied in following dimensions.

Increase Efficiency. Modernization often entails implementing sophisticated technologies and techniques that can considerably increase production and efficiency in a variety of industries. This can result in higher output levels with less resource, hence boosting economic growth. The digital economy has

broken traditional industries' boundaries and significantly affected substitution, penetration, and synergy. It expands the perspective and space of the original industrial development model and plays an essential role in transforming agricultural modernization and integrating rural industries [6].

Environmental Impact. The drive of modernity can put strain on natural resources and ecosystems, resulting in environmental deterioration and climatic change. However, modernization provides opportunity for the adoption of sustainable technologies and practices to offset these effects. Cities are praised for their potential efficiency in energy usage and transportation, thanks to their proximity to services and dense living circumstances. On the other hand, they can become hotspots for pollution, trash generation, and greenhouse gas emissions [7, p. 1312].

There is a link between urbanization and environmental damage. From natural resource depletion to greenhouse gas emissions, habitat fragmentation to pollution intensification, cities are praised for their potential efficiency in energy usage and transportation due to their proximity to services and dense living conditions. On the other hand, they can become hotspots for pollution, waste creation, and greenhouse gas emissions. The environmental costs of urban growth are numerous. Urbanization, on the other hand, can provide chances for more sustainable lives by promoting efficient land use, sustainable transportation, and technological innovation [7, p. 1315].

Change in Socio-cultural Values. The majority of modernization projects are linked to the basic change from traditional to modern society. This change is associated with strong macro-social stresses that appear as a result of reducing the role of the traditional society and intentional transformation, including modernization projects. Other macro-social conditions of realization of modernization projects are also connected with this issue [8].

Innovation and Creativity by Technological Development. Modernisation promotes innovation by stimulating the creation of new products, services, and business models. This invention has the potential to generate economic growth by opening up new markets and offering possibilities for entrepreneurs. The modernization of the economy is a process of qualitative transformation of socio-economic relations, which results in a new, more technologically advanced level of production, changes in the principles of exchange and distribution of benefits, and changes in consumption standards [9, p. 37]. Modernization of the economy, defined as one of the primary strategic goals of the state's socioeconomic policy, includes overcoming the commodity nature of the national economy and enhancing its competitiveness through the adoption of new technology [10].

Job Creation. While modernization may cause job displacement in some industries, it also generates new job opportunities in developing sectors. For example, the expansion of technology and digital sectors has created a demand for talented individuals in fields such as software development, data analysis, and digital marketing. Labor mobility has been an important and essential feature of economic and social development throughout the human history. In 2006, migrant workers in the industrial countries sent home more than \$300 billion, nearly three times the \$104 billion received as foreign aid by the developing countries [11].

Improved Standard of Living. Modernization frequently improves people's living conditions by providing improved access to healthcare, education, housing, and other important services. Rising salaries and increased economic possibilities can help people escape poverty and foster social mobility. The overseas migration and remittances have been instrumental in poverty alleviation as well as for improving the living standards of the people [12; 13]. Modernization facilitates people to understand culture, tradition, customs, education system, health facility and economic condition [14, p. 17].

Global Competitiveness. Countries can increase their global competitiveness by upgrading their economies. This might lead to increased commerce, foreign investment, and access to new technology and knowledge, all of which are necessary for long-term economic success. Over the last three decades, globalization processes have modified the demand for new professional competencies it creates competitive environment even in the domestic market. Medium scale and small scale and even large scale national companies cannot compete with multinational corporation [3, p. 207].

Conclusions

Modernization is bringing about change economically and culturally in the global south, which represents Asia, Africa, and Latin America. The development of all the countries in the south will reflect the patterns of development in the north. This perspective argued that the economic and political factors that had been important for explaining the rapid development of the countries in the north. It is the forms of new economic policy that were effectively applied by global south countries and international organizations .

The country's economy and culture are dynamic and influenced by developed countries policies and trends of development and culture as well. This type of effect or change is influenced by information technology, education, political ideology, infrastructure development, and charismatic leadership. So that the economy and culture of the global south are continuously influenced by developed countries, i.e., the global north, and converted to modernization from traditional.

The impact of modernization can be studied from both positive and negative perspective. From a positive perspective, modernization creates opportunities for the worldwide economy based on productivity and quality. It helps to increase the rate of infrastructure development, reduce inequalities, maintain quality education, digitalize, and improve health care facilities, reduce geographical distance, old agriculture tools replaced by modern technology, scientific innovation, a change in family structure, the elimination of social crime. Likewise, there are some negative impacts on modernization. Western bias, cultural resistance, and the introduction of colonialism and neocolonialism do not breakdown the economic disparities of poor countries; corrupt and self-seeking cultures established in global south countries increase the promotion of false needs, etc.

Although it has both a negative and positive impact on the economy, every country should be aware of the opportunity for modernization at the right time and be able to reduce or eliminate the negative impact of modernization [3, p. 217].

References

- 1 **Kuba Kryz et al.** Preference for modernization is universal, but expected modernization trajectories are culturally diversified: A nine-country study of folk theories of societal development // Asian Journal of Social Psychology, 2022. – Vol. 25. – P. 731–746. – <https://doi.org/10.1111/ajsp.12533> [in English].
- 2 **Komf, E.V.** Organichnaya modernizaciya: nekotory'e indikatory` aktualizacii [Organic modernization: some indicators of actualization] // Bulletin of Economics, Law and Sociology, 2022. – No. 4. – P. 83–85 [in Russian].
- 3 **Sharma:** Forms of Modernization and its Impact on Economy // Journal of APF Command and Staff College, 2024. – P. 199–218 [in English].
- 4 **Eisenstadt, S. N.** Modernity and modernization // Sociopedia. isa, 2010. – 25(1). – P. 1–15 [in English].
- 5 **Inglehart, R., & Welzel, C.** Modernization // The Blackwell encyclopedia of sociology, 2007 [in English].
- 6 **Hosan, S., Karmaker, S. C., Rahman, M. M., Chapman, A. J., Saha, B. B.** Dynamic links among the demographic dividend, digitalization, energy intensity and sustainable economic growth: Empirica evidence from emerging economies // Journal of Cleaner Production, 2022. – 330 p. [in English].
- 7 **Bera, B. Chinta, S, Mahajan, D. Mahajan, R.** Urbanization and Its Impact on Environmental Sustainability: A Comprehensive Review // Harbin Gong cheng Daxue Xuebao, 2023. – 44(8). – P. 1310–1318 [in English].

8 **Andreeva, E., Myslyakova, Y., Glukhikh, P., & Ratner, A.** Economic and social impact of modernization on cultural values // Journal of International Studies, 2017. – 10(1) [in English].

9 **Vikulin, A.** Investment policy as a tool for the modernization of the Russian economy. – Moscow, 2017. – 120 p. [in English].

10 **Hamidullaeva, L.** Problems and prospects for the modernization of the Russian economy // Basic Research, 2014. – 11(9). – P. 2010–2015.

11 **Shrestha, B.** Contribution of foreign employment and remittance to Nepalese economy. – 2006. [Electronic resource]. – https://www.nrb.org.np/contents/uploads/2021/09/vol20_art1.pdf [in English].

12 **Seddon, David, Jagannath and Gurung, G.** The New Lahures: Foreign Employment and Remittance Economy of Nepal. – Katmandu: Nepal Institute for Development Studies (NIDS), 1999 [in English].

13 **Shrestha, B.** “Foreign Employment and Remittance Economy of Nepal.” // In M.K. Dahal (ed.) Nepalese Economy: Towards Building. A Strong Economic Nation-state. – Kathmandu: Tribhuvan University, 2004 [in English].

14 **Pradhan, G. M.** Forms of globalization and their impact on the economy. – Swarnadwar, 2022. – 2(2). – P. 15–21 [in English].

Received 01.08.25.

Received in revised form 21.08.25.

Accepted for publication 03.09.25.

**Л. Ж. Жумашева*

Торайғыров университеті,
Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.
01.08.25 ж. баспаға түсті.
21.08.25 ж. түзетулерімен түсті.
03.09.25 ж. басып шығаруға қабылданды.

ЖАҢҒЫРУ ҚАЗІРГІ ҚОҒАМ ДАМУЫНЫҢ ЖОЛЫ РЕТІНДЕ

Қоғамның өмір сүру жағдайын жақсарту үшін әлеуметтік дамудың қандай нақты жолдары қажет екендігі туралы әлі де ортақ пікір жоқ. Кейбір зерттеулер көрсеткендей, әртүрлі мәдениеттерде әлеуметтік дамудың қалай жүруі керектігі туралы әртүрлі идеялар болуы мүмкін және әлеуметтік дамудың қолайлы траекториялары мәдениеттер арасында әртүрлі болуы мүмкін [1, б. 731]. Бұл

мақаланың мақсаты – модернизацияны қазіргі қоғамның даму жолдарының бірі ретінде зерттеу және бұл үдерістің қандай оң және теріс салдары бар екенін көрсету. Айта кету керек, модернизация теориясы өзінің өзектілігін жоғалтпайды, өйткені қазіргі уақытта модернизация дәстүрлі қоғамды заманауимен ауыстыру процесі ретінде ғана емес, ең алдымен оның тұтас сапалы жаңаруы арқылы қоғамдағы әлеуметтік өзгерістер ретінде қарастырылады [2, б. 83].

Бұл зерттеудің құндылығы Қазақстандағы жаңғырту үдерістерін дамыту шеңберінде негізгі ұсыныстарды әзірлеу үшін жаңғыртудың оң және теріс аспектілерін анықтауды қолдануда жатыр. Модернизация құбылысын ашу үшін мынадай әдістер мен принциптер пайдаланылды: историзм принципі, нақтылық принципі, салыстырмалы талдау, мән мен құбылыс, форма мен мазмұн категориялары.

Кілтті сөздер: модернизация, әлеуметтік даму, қазіргі қоғам, жаһандану, цифрлық революция.

*Л. Ж. Жумашева

Торайғыров университет,
Республика Казахстан, г. Павлодар.

Поступило в редакцию 01.08.25.

Поступило с исправлениями 21.08.25.

Принято в печать 03.09.25.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ПУТЬ К РАЗВИТИЮ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

До сих пор нет единого мнения о том, какие именно пути социального развития необходимы для улучшения условий жизни общества. Как показывают некоторые исследования, в разных культурах могут существовать разные представления о том, как должно происходить социальное развитие, и что предпочтительные траектории социального развития могут различаться в разных культурах [1, с. 731]. Цель данной статьи — рассмотреть модернизацию как один из путей развития современного общества и показать, какие позитивные и негативные последствия имеет этот процесс. Следует отметить, что теория модернизации не теряет своей актуальности, поскольку сегодня модернизация рассматривается не только как процесс замены традиционного

общества современным, но, прежде всего, как социальные изменения в обществе посредством его целостного качественного обновления [2, с. 83].

Ценность данного исследования заключается в применении выявленных позитивных и негативных аспектов модернизации для разработки ключевых рекомендаций в рамках развития модернизационных процессов в Казахстане. Для раскрытия феномена модернизации использовались следующие методы и принципы: принцип историзма, принцип конкретности, сравнительный анализ, категории сущности и явления, формы и содержания.

Ключевые слова: модернизация, общественное развитие, современное общество, глобализация, цифровая революция.

<https://doi.org/10.48081/IELH8802>

***А. Ә. Мажитова**

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева,

Республика Казахстан, г. Астана

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0362-9925>

*e-mail: nicole_kz@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ И ЗАПАДНЫЕ ЦЕННОСТИ В МИРОВОЗЗРЕНИИ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Статья посвящена социально-философскому анализу трансформации ценностных ориентиров казахстанской молодежи в условиях пересечения традиционных и западных культурных влияний. В центре внимания находится возрастная группа 18–35 лет, наиболее чувствительная к последствиям глобализации, цифровизации и модернизационных процессов, оказывающих значительное воздействие на формирование мировоззренческих установок. Цель исследования заключается в выявлении особенностей ценностного самоопределения молодого поколения, а также в определении баланса между устойчивыми традиционными установками, связанными с семьей, религией и национальной идентичностью, и новыми ориентирами, преимущественно западного происхождения, такими как индивидуализм, личная свобода, карьерные амбиции, толерантность и ориентация на саморазвитие. Методологическая база включает сравнительный и содержательный анализ, контент-анализ и интерпретацию эмпирических данных социологических опросов, проведенных как в Казахстане, так и в международных исследованиях. Результаты демонстрируют, что молодежь формирует гибридную систему ценностей, где традиционные элементы не отрицаются, а интегрируются с новыми культурными моделями. Такой синтез свидетельствует не о кризисе идентичности, а о её адаптивной и динамичной эволюции в условиях усиливающегося культурного многообразия и ускоряющихся социальных изменений.

Ключевые слова: молодёжь Казахстана, ценности, традиционные установки, западная культура, идентичность, глобализация, социокультурная трансформация, социальная философия.

Введение

Ценностные ориентиры молодёжи – это не только зеркало социокультурных трансформаций, но и вектор, задающий направление будущему обществу. Молодое поколение Казахстана, выросшее в условиях постсоветской модернизации, цифровизации и экономических реформ, находится на пересечении культурных парадигм: традиционной, укоренённой в национальной идентичности, и западной, активно внедряемой в повседневные практики через глобализированные каналы информации, образования и стиля жизни [1].

Особенность современного этапа состоит в том, что культурные заимствования перестали быть односторонними. В общественном сознании идёт активный процесс переоценки ценностей, где устойчивые основания (например, культ семьи, патриархальные установки, религиозная мораль) взаимодействуют с новыми установками – индивидуализмом, карьерной мобильностью, гендерной свободой. Государственные инициативы, в том числе программа «Рухани жаңғыру», подчёркивают необходимость сохранения культурного наследия, но одновременно способствуют его адаптации к реалиям глобального мира.

Следует подчеркнуть, что процесс трансформации не сводится к простому выбору «между Востоком и Западом». Молодёжь Казахстана демонстрирует способность к формированию синтетических моделей поведения, в которых традиционные ценности не исчезают, а получают иное содержание. Например, уважение к институту семьи всё чаще сочетается с признанием личностной автономии, а национальная идентичность укрепляется через открытость к межкультурному диалогу. Эта гибридность объясняется не только воздействием внешних факторов, но и внутренними социальными запросами: стремлением к социальной мобильности, потребностью в признании и желанием участвовать в глобальных коммуникационных сетях.

Одновременно наблюдается амбивалентность восприятия: часть молодёжи склонна воспринимать западные ценности как угрозу культурной целостности, тогда как другая часть видит в них ресурс для самореализации и модернизации общества. Такое расхождение интерпретаций формирует широкий спектр идентификационных стратегий – от консервативного сохранения традиций до либерального их переосмысления.

Цель настоящей статьи – выявить характер и логику трансформации ценностного поля казахстанской молодёжи в условиях социокультурной гибридизации, определить доминирующие установки, проанализировать амбивалентность их восприятия и интерпретировать полученные данные в социально-философском контексте.

Материалы и методы

В качестве эмпирической базы использовались следующие источники: отчёт Научно-исследовательского центра «Молодёжь» [1], данные международных социологических исследований (WVS, Pew Research Center, Gallup) [2; 3; 4], исследования отечественных философов и социологов [5; 6; 7].

Методология исследования опирается на принципы междисциплинарного анализа, включая: сравнительно-содержательный анализ (сопоставление традиционных и западных ценностных установок); контент-анализ публичных речей, медиаматериалов, опросов; философскую интерпретацию с опорой на категориальный аппарат: «идентичность», «культура», «ценностная рациональность», «гибридизация».

Результаты и обсуждение

Статус традиционных ценностей

Опросы последних лет показывают, что базовые ценности, такие как семья, религиозность, уважение к старшим и национальное самосознание, остаются высоко значимыми для казахстанской молодёжи. Более 78 % респондентов отмечают семью как главный источник поддержки и морального авторитета, что свидетельствует о сохранении института семьи в качестве ключевого социального ресурса. Уважение к родителям и почитание старших рассматриваются как основа нравственности и элемент межпоколенческой преемственности, обеспечивающий стабильность культурных норм. Более 55 % молодых людей положительно оценивают влияние ислама на общественную мораль, даже если они лично не относятся к числу строго практикующих верующих [1].

Эти данные подтверждают, что традиционные ценности не утратили своей регулятивной функции и продолжают выполнять интегративную роль в обществе. Вместе с тем в их интерпретации наблюдается известная динамика: религиозность чаще воспринимается как культурная идентификация, чем как строгое следование религиозным предписаниям; семейные ориентиры сохраняют доминирование, но при этом молодёжь чаще подчёркивает значение индивидуальной автономии внутри семьи. Таким образом, традиционные ценности в сознании молодого поколения Казахстана не фиксированы в статичной форме, а подвергаются процессу адаптации, что позволяет рассматривать их как основу гибридной ценностной

системы, сочетающей устойчивые элементы с новыми мировоззренческими ориентирами.

Западные ценности и их восприятие

Наряду с традиционными нормами, в сознание молодёжи постепенно проникают идеи либерального мировоззрения – автономия личности, самореализация, открытость к культурному и социальному многообразию. Согласно опросам, более 60 % респондентов в возрастной группе 18–25 лет отмечают, что жизненный успех зависит прежде всего от личных усилий и инициативности, а не от внешних обстоятельств или социальной поддержки [2]. Подобная установка демонстрирует сдвиг в сторону индивидуалистической модели ценностей, характерной для западных обществ.

Институт брака, хотя и сохраняет высокую значимость, всё чаще воспринимается не как общественная обязанность или традиционный долг, а как осознанный выбор, связанный с личными приоритетами и взаимным согласием партнёров [4]. Наряду с этим фиксируется рост толерантности к другим этническим и религиозным группам, что свидетельствует о расширении межкультурного диалога и снижении уровня предубеждений. Значительное внимание молодёжь уделяет вопросам гендерного равенства, социальной справедливости и прав человека, что отражает интеграцию глобальной повестки в локальный контекст.

Таким образом, западные ценности в казахстанской среде не вытесняют традиционные установки, а формируют новые смыслы и практики, придавая молодёжному мировоззрению более плюралистичный и гибридный характер.

Ценностная амбивалентность: проявления и интерпретация

Большинство представителей молодого поколения демонстрируют двойственное отношение к культурным ориентирам. С одной стороны, они уважают и стремятся сохранить элементы традиционного уклада – обряды, семейные нормы, государственные символы, коллективистские практики. С другой – активно пользуются западными инструментами самовыражения, включая цифровые медиа, стартап-культуры, глобальные образовательные платформы и расширенные возможности социальной мобильности [8, с. 141].

Эта амбивалентность не сводится к внутреннему кризису идентичности, а скорее интерпретируется как проявление адаптивной стратегии, позволяющей интегрировать несовпадающие системы в единую, но гибкую ценностную модель. Молодёжь создаёт своеобразный «ценностный синтез», где традиционные нормы выступают символическим фундаментом, а западные ориентиры выполняют функцию инструментальной и прагматической модернизации жизненных практик.

Подобный феномен отражает общий тренд постсоветских обществ, в которых устойчивые культурные элементы не исчезают, а подвергаются переосмыслению в новых социальных условиях [7, с. 16]. Таким образом, двойственность установок не является признаком дезориентации, а скорее свидетельствует о способности молодого поколения к культурной навигации в условиях глобализованного мира. В социально-философском контексте это можно рассматривать как форму гибридной идентичности, в которой синтезируются традиционные ценности и современные практики, обеспечивая молодёжи ресурс для самоопределения и социальной адаптации.

Роль медиа и цифровой среды в трансформации ценностей

Медиа играет ключевую роль в формировании новых культурных кодов и мировоззренческих ориентиров. Современная казахстанская молодёжь получает информацию преимущественно из социальных сетей (Instagram, TikTok, Telegram), которые транслируют широкий спектр моделей поведения и ценностей, зачастую противоречивых по содержанию [9]. С одной стороны, формируется образ успешного человека, ориентированного на индивидуальную свободу, карьерные достижения и потребительский стиль жизни, свободного от жёстких традиционных обязательств. Такой дискурс укрепляет установки на автономию и самореализацию.

С другой стороны, фиксируется рост интереса к локальным цифровым инициативам – блогам и каналам, посвящённым национальной культуре, религии, языку и истории. Эти ресурсы становятся своеобразными площадками сохранения и популяризации культурного наследия, предлагая молодым пользователям возможность соотнести глобальный опыт с локальной идентичностью.

Таким образом, медиaprостранство выступает не только каналом трансляции западных ориентиров, но и ареной, где происходит активное взаимодействие традиционного и современного. Для молодёжи характерно избирательное усвоение информации: они способны одновременно потреблять глобализованные образы успеха и поддерживать интерес к национальным ценностям. В социально-философском плане это отражает не разрушение идентичности, а процесс её гибридизации, когда цифровые медиа становятся инструментом культурного синтеза и формирования новых форм самоидентификации.

Выводы

Проведённый анализ позволяет утверждать, что молодёжь Казахстана находится в стадии активной культурной адаптации. Традиционные и западные ценности не противопоставляются напрямую, а сосуществуют в формате гибридной системы. Для молодого поколения характерна

установка на выборочное заимствование: они сохраняют уважение к культурному наследию, но стремятся быть свободными, мобильными, конкурентоспособными.

Такой подход открывает потенциал для конструктивного диалога поколений, для обновления национальной идентичности без её утраты [10]. В социально-философской перспективе речь идёт не о разрыве с традицией, а о её переосмыслении в духе современности. Политика в сфере молодёжного развития должна учитывать эти тренды, обеспечивая ценностный плюрализм, поддержку культурной осознанности и стимулирование социальной активности.

Список использованных источников

1 «Молодежь Казахстана»: аналитический доклад по результатам социологического исследования [Текст]. – 2024. – 207 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/6478?ysclid=mevpyyhfn1832488640>.

2 World Values Survey. Wave 7 [Текст]. – 2017–2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>.

3 Pew Research Center. Global Attitudes Survey [Текст]. – 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/global/2022/11/16/good-citizen-spring-2022-methodology/>.

4 Youth of central Asia [Текст]. Comparative review. Under scientific supervision of prof. Klaus Hurrelmann and Peer Teschendorf (Germany, Berlin). – Almaty, 2017. – 56 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://opinions.kz/en/research/youth-in-central-asia?ysclid=mevpyyi1gl205564494>.

5 **Canivez, P., Bakirlanova, A.** Analysis of the Transformation of Values of the Kazakhstani Society [Текст] // Адам әлемі. – 95 № 1. – 2023. – С. 65–72. – <https://doi.org/10.48010/2023.1/1999-5849.07>.

6 **Kassymova, L. S., Aimaganbetova, O. H., Yermekbaeva, M. K.** An Examination of Values and Social Beliefs of Kazakhstani Youth [Текст] // Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии. – №2 (49). – 2014. – С. 3–13. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bulletin-psysoz.kaznu.kz/index.php/1-psy/article/view/305/155>.

7 **Suleimenova, S., Sinyachkin, P.** Value Priorities of Student Youth in the Multi-Ethnic Space of Kazakhstan and Their Influence on Intercultural Communications [Text]. – Media, 2025. – 6(1): 32. – P. 2–27. – <https://doi.org/10.3390/journalmedia6010032>.

8 **Karipbayev, B. I.** The Identity of Kazakhstani Youth: Impact of Globalization and Neotraditionalism [Text] // Central Asia and the Caucasus, 2025 – P. 140–149. – <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.2.12>.

9 **Мясоутов, О. В.** Цифровая молодежь в эпоху неопределенности: современные смыслы и социокультурные ценности [Текст] // Электронный научный журнал «Архонт». – Выпуск № 6(33). – 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-molodezh-v-epohu-neopredelennosti-sovremennye-smysly-i-sotsiokulturnye-tsennosti?ysclid=mepwqrx0r5982870589>.

10 **Лосинская А.** Идентичность как социально-философская категория [Текст]. – 2017. – 5 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/31520848/%D0%98%D0%94%D0%95%D0%9D%D0%A2%D0%98%D0%A7%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC_%D0%9A%D0%90%D0%9A_%D0%A1%D0%9E%D0%A6%D0%98%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%9E_%D0%A4%D0%98%D0%9B%D0%9E%D0%A1%D0%9E%D0%A4%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%AF_%D0%9A%D0%90%D0%A2%D0%95%D0%93%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%AF_Identity_as_a_Social_and_Philosophical_Category.

References

1 «Molodezh` Kazaxstana»: analiticheskij doklad po rezul`tatam sociologicheskogo issledovaniya [«Youth of Kazakhstan»: analytical report on the results of sociological research] [Text]. – 2024. – 207 p. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/6478?ysclid=mepvyhfn1832488640>.

2 World Values Survey. Wave 7 [Text]. – 2017–2022. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV7.jsp>.

3 Pew Research Center. Global Attitudes Survey [Text]. – 2022. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.pewresearch.org/global/2022/11/16/good-citizen-spring-2022-methodology/>.

4 Youth of central Asia [Text]. Comparative review. Under scientific supervision of prof. Klaus Hurrelmann and Peer Teschendorf (Germany, Berlin). – Almaty, 2017. – 56 p. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://opinions.kz/en/research/youth-in-central-asia?ysclid=mepwvyi1gl205564494>.

5 **Canivez, P. Bakirlanova, A.** Analysis of the Transformation of Values of the Kazakhstani Society [Text]. – Adam әlemi. – 95 № 1. – 2023. – P. 65–72. – <https://doi.org/10.48010/2023.1/1999-5849.07>.

6 **Kassymova L. S., Aimaganbetova O. H., Yermekbaeva M. K.** An Examination of Values and Social Beliefs of Kazakhstani Youth [Text] // Vestnik KazNU. Seriya psixologii i sociologii. – №2 (49). – 2014. – P. 3–13. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://bulletin-psyloc.kaznu.kz/index.php/1-psy/article/view/305/155>.

7 **Suleimenova, S., Sinyachkin, P.** Value Priorities of Student Youth in the Multi-Ethnic Space of Kazakhstan and Their Influence on Intercultural Communications [Text] // Media, 2025. – 6(1): 32. – P. 2–27. – <https://doi.org/10.3390/journalmedia6010032>.

8 **Karipbayev, B. I.** The Identity of Kazakhstani Youth: Impact of Globalization and Neotraditionalism [Text] // Central Asia and the Caucasus, 2025. – P. 140–149. – <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.2.12>.

9 **Myasoutov, O.V.** Cifrovaya molodezh` v e`poxu neopredelennosti: sovremennyye smy`sly` i sociokul`turnyye cennosti [Digital Youth in the Age of Uncertainty: Contemporary Meanings and Sociocultural Values] [Text]. // E`lektronny`j nauchny`j zhurnal «Arxont». – Vy`pusk № 6(33). – 2022. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-molodezh-v-epohu-neopredelennosti-sovremennye-smysly-i-sotsiokulturnye-tse-nnosti?ysclid=mepwqrx0r5982870589>.

10 **Losinskaya, A.** Identichnost` kak social`no-filosofskaya kategoriya [Identity as a socio-philosophical category] [Text]. – 2017. – 5 p. – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.academia.edu/31520848/%D0%98%D0%94%D0%95%D0%9D%D0%A2%D0%98%D0%A7%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC_%D0%9A%D0%90%D0%9A_%D0%A1%D0%9E%D0%A6%D0%98%D0%90%D0%9B%D0%AC%D0%9D%D0%9E_%D0%A4%D0%98%D0%9B%D0%9E%D0%A1%D0%9E%D0%A4%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%AF_%D0%9A%D0%90%D0%A2%D0%95%D0%93%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%AF_Identity_as_a_Social_and_Philosophical_Category.

Поступило в редакцию 01.08.25.

Поступило с исправлениями 26.08.25.

Принято в печать 03.09.25.

*А. Ә. Мажитова

Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті,

Қазақстан Республикасы, Астана қ.

01.08.25 ж. баспаға түсті.

26.08.25 ж. түзетулерімен түсті.

03.09.25 ж. басып шығаруға қабылданды.

ҚАЗАҚСТАНДЫҚ ЖАСТАРДЫҢ ДҮНИЕТАНЫМЫНДАҒЫ ДӘСТҮРЛІ ЖӘНЕ БАТЫС ҚҰНДЫЛЫҚТАРЫ

Мақала дәстүрлі және батыстық мәдени ықпалдардың тоғысуы жағдайында қазақстандық жастардың құндылық бағдарларының трансформациясын әлеуметтік-философиялық талдауға арналған. Дүниетанымдық көзқарасты қалыптастыруға айтарлықтай әсер ететін жаһандану, цифрландыру және модернизация үдерістерінің салдарына барынша сезімтал 18–35 жас тобына назар аударылады. Зерттеудің мақсаты – өскелең ұрпақтың құндылық өзін-өзі анықтау ерекшеліктерін анықтау, сондай-ақ отбасы, дін және ұлттық бірегейлікпен байланысты тұрақты дәстүрлі көзқарастар мен индивидуализм, жеке бас бостандығы, мансаптық амбициялар, толеранттылық және өзін-өзі дамытуға бағдарлану сияқты негізінен батыстан шыққан жаңа нұсқаулар арасындағы теңгерімді анықтау. Әдістемелік базаға Қазақстанда да, халықаралық зерттеулерде де жүргізілген әлеуметтік сауалнамалардың эмпирикалық мәліметтерін салыстырмалы және мазмұнды талдау, мазмұнды талдау және интерпретациялау кіреді. Нәтижелер жастардың дәстүрлі элементтерді жоққа шығармай, жаңа мәдени үлгілермен біріктірілген гибриді құндылықтар жүйесін қалыптастырып жатқанын көрсетеді. Мұндай синтез сәйкестік дағдарысын емес, оның мәдени әртүрлілікті арттыру және әлеуметтік өзгерістерді жеделдету жағдайында бейімделу және динамикалық эволюциясын көрсетеді.

Кілтті сөздер: Қазақстан жастары, құндылықтар, дәстүрлі көзқарастар, батыс мәдениеті, сәйкестілік, жаһандану, әлеуметтік-мәдени трансформация, әлеуметтік философия.

*A. A. Mazhitova

L. N. Gumilyov Eurasian National University,
Republic of Kazakhstan, Astana.

Received 01.08.25.

Received in revised form 26.08.25.

Accepted for publication 03.09.25.

TRADITIONAL AND WESTERN VALUES IN THE WORLDVIEW OF KAZAKHSTAN YOUTH

The article is devoted to the socio-philosophical analysis of the transformation of value orientations of Kazakhstani youth in the context of the intersection of traditional and Western cultural influences. The focus is on the age group of 18–35 years, the most sensitive to the consequences of globalization, digitalization and modernization processes that have a significant impact on the formation of worldview attitudes. The purpose of the study is to identify the features of the value self-determination of the younger generation, as well as to determine the balance between stable traditional attitudes associated with family, religion and national identity, and new guidelines, mainly of Western origin, such as individualism, personal freedom, career ambitions, tolerance and focus on self-development. The methodological base includes comparative and substantive analysis, content analysis and interpretation of empirical data from sociological surveys conducted both in Kazakhstan and in international studies. The results demonstrate that young people are forming a hybrid value system, where traditional elements are not denied, but integrated with new cultural models. Such a synthesis does not indicate a crisis of identity, but rather its adaptive and dynamic evolution in the context of increasing cultural diversity and accelerating social change.

Keywords: youth of Kazakhstan, values, traditional attitudes, Western culture, identity, globalization, socio-cultural transformation, social philosophy.

<https://doi.org/10.48081/NUDB7692>

***Р. С. Салимова¹, Г. К. Уразалиева²**

¹Торайғыров университет,
Республика Казахстан, г. Павлодар;

²Российский государственный гуманитарный университет,
Российская федерация, г. Москва

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6747-4620>

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7976-7527>

*e-mail: salimova_raigul@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ЧЕЛОВЕК ПРОТИВ АЛГОРИТМА?

В условиях стремительной цифровизации все сферы человеческой деятельности, включая образование, претерпевают глубокие трансформации. Статья посвящена философскому осмыслению современного образовательного процесса на стыке человека и алгоритма. Авторы анализируют динамичные изменения, вызванные интеграцией цифровых технологий, искусственного интеллекта и алгоритмических систем в образовательную среду. Основное внимание уделяется вопросу: сохраняется ли роль человека как субъекта образования или он постепенно уступает место цифровым посредникам? В ходе исследования рассматриваются ключевые категории философии образования – субъект, знание, ценность, автономия – в контексте вызовов цифрового мира. Методология опирается на герменевтический, феноменологический и критико-аналитический подходы, а также включает междисциплинарный и контекстуальный анализ. Авторы приходят к выводу, что философия образования в эпоху цифровизации требует переосмысления устоявшихся традиционных категорий и акцента на гуманистические ориентиры, в которых человек не противопоставляется алгоритму, а сохраняет свою центральную роль благодаря способности к критическому мышлению, творчеству, интерпретации, рефлексии и этическому выбору. Статья адресована исследователям, философам и разработчикам образовательных стратегий, стремящимся

осмыслить новое качество образования в цифровую эпоху, а также преподавателям и практикам, заинтересованным в инновационных подходах к обучению.

Ключевые слова: цифровизация образования; философия образования; человек и алгоритм; критическое мышление; искусственный интеллект; гуманизм; образовательная парадигма; цифровая трансформация.

Введение

В последние десятилетия человечество переживает масштабный переход к цифровому укладу, затрагивающему все сферы жизни – от экономики до культуры, от быта до образования. Особенно остро цифровизация ощущается в образовательной сфере, где внедрение алгоритмических решений, платформ, искусственного интеллекта и автоматизированных систем обучения вызывает не только технологические, но и глубокие философские вопросы. Выбор темы обусловлен необходимостью концептуального осмысления происходящих процессов: в условиях стремительного технологического прогресса, казалось бы, усиливаются позиции цифровых посредников, а человеческое участие в обучении теряет свои прежние формы. Однако остаётся открытым главный вопрос: может ли алгоритм заменить человека в процессе образования, или, напротив, цифровизация лишь требует переосмысления роли личности и ценностей?

Актуальность темы определяется тем, что несмотря на обилие исследований в области цифровой педагогики, психологии образования и IT-технологий, философская оценка природы изменений в образовательной парадигме остаётся недостаточно разработанной. Возникает необходимость не только технического анализа происходящих трансформаций, но и глубокого философского взгляда на то, как меняется сам субъект образования, природа знания и этические координаты. Теоретическая значимость темы заключается в формулировке новых оснований гуманистической философии образования, которая способна интегрировать цифровые возможности, не утратив при этом человека как центрального участника образовательного процесса. Практическая значимость выражается в разработке идей, способных лечь в основу образовательных стратегий, направленных на баланс между технологичностью и человечностью.

Материалы и методы

В данной статье исследование основано на комплексном междисциплинарном подходе, сочетающем философские, педагогические и цифровые концепции, направленные на осмысление трансформации

образования в условиях цифровизации. Материалом исследования послужили современные научные публикации, аналитические доклады, официальные документы в области цифрового образования, труды отечественных и зарубежных философов. Особое внимание уделялось тем источникам, где рассматривается взаимодействие человека и алгоритма в образовательной среде, философские основания искусственного интеллекта и цифровой трансформации.

Научно-теоретической базой исследования стали труды казахстанских авторов, таких как А.Т. Калиева, которая в своей работе подчёркивает необходимость гуманистической направленности цифровой педагогики и сохранения субъективной позиции личности в образовательной практике [1, с. 48–69], а также Г. Б. Мустафина, исследующая трансформацию ценностей в цифровом контексте [2, с. 31–42]. Среди зарубежных исследователей были использованы идеи Ю. Хабермаса о коммуникативной рациональности в эпоху алгоритмизации [3], Б. Стиглера, анализирующего техногенную трансформацию сознания [4], а также Н. Селвина, рассматривающего риски технологического детерминизма в образовательной политике [5].

Методология исследования включает:

Герменевтический метод, применённый для интерпретации ключевых философских понятий – «человек», «образование», «алгоритм», «ценность» – в условиях их трансформации под влиянием цифровых технологий. Этот подход позволил глубже понять изменения в смыслах и функциях образования [6].

Феноменологический метод, основанный на трудах Э. Гуссерля и М. Мерло-Понти, использовался для выявления опыта субъекта в образовательной среде, насыщенной цифровыми посредниками. Посредством данного подхода исследуется ощущение вытеснения или потери аутентичности человеческого «Я» в процессе обучения [7, с. 15–29].

Критико-аналитический метод, позволивший проанализировать трансформацию философии образования с критической позиции. Здесь применены идеи П. Фрейре о диалогичности образования и сопротивлении технологическому принуждению, актуализированные в современных условиях [8].

Сравнительно-аналитический метод, использовался при сопоставлении позиций отечественных и зарубежных исследователей по вопросам философии образования. Это позволило выявить как универсальные, так и локальные вызовы, обусловленные национальным контекстом образовательной политики.

В ходе работы также был проанализирован ряд стратегических документов, включая «Цифровой Казахстан», где прослеживается тенденция внедрения цифровых технологий в образовательную систему [9], а также аналитические материалы ЮНЕСКО, касающиеся цифровой этики в сфере образования [10].

Исследование базируется на сочетании философского анализа, интерпретации ценностных оснований образования, а также критического осмысления процессов, происходящих на стыке человека и алгоритма.

Результаты и обсуждение

Результаты проведённого исследования позволили выявить качественные изменения в философском понимании образования под влиянием цифровизации. Применение герменевтического, феноменологического и критико-аналитического методов показало, что в современной цифровой образовательной среде происходит не просто замена инструментов обучения, а трансформация самих оснований образовательного процесса, в том числе понимания субъекта, знания, авторитета, автономии и этики.

Во-первых, герменевтический анализ выявил, что понятие «образование» в цифровую эпоху смещается от традиционного взаимодействия «преподаватель–обучающийся» к триаде «человек–алгоритм–система». Однако, как показал сравнительный анализ, в казахстанской научной традиции (Калиева А.Т. [1], Мустафина Г. Б. [2]) акцент всё ещё делается на человекоцентричном подходе, тогда как в зарубежной литературе (Stiegler B. [4], Selwyn N. [5]) все чаще утверждается идея технологического посредничества как центрального механизма передачи и формирования знаний. Это расхождение указывает на необходимость философского согласования ценностей и целей образования с теми формами, в которых оно реализуется.

Во-вторых, феноменологический подход позволил зафиксировать смещение субъективного опыта обучающегося: в условиях онлайн-курсов, цифровых ассистентов и искусственного интеллекта обучающийся сталкивается с деиндивидуацией и фрагментацией образовательной идентичности. Он уже не находится в живом диалоге с преподавателем, а взаимодействует с алгоритмизированной системой, лишённой эмпатии и моральной ответственности. В этой связи подтверждается мысль П. Фрейре о важности диалогичности и гуманистической направленности образования [8], актуальность которой возрастает на фоне «холодных» цифровых платформ.

В-третьих, результаты критико-аналитического анализа показали, что современное цифровое образование подвержена рискам технократического

детерминизма. Создаётся угроза превращения образования в технологическую услугу, лишённую культурного и нравственного измерения.

На основании анализа стратегических документов ЮНЕСКО [10] можно заключить, что международное сообщество уже ставит вопрос цифровой этики в центр образовательной политики, этот аспект пока только начинает осмысливаться. Это подтверждает необходимость философского сопровождения процессов цифровизации и разработки этико-гуманитарных ориентиров для образовательной политики и практики.

Таким образом, основная суть полученных результатов заключается в следующем: философия образования в условиях цифровизации не должна сводиться к адаптации под цифровые технологии, а напротив – она должна заново определить свою ценностную рамку, в которой человек сохраняет активную субъектную позицию, критическое мышление, творческую инициативу и моральную ответственность. Алгоритмы могут выступать помощниками, но не замещающими субъектами. Качественное образование невозможно без живого диалога, смыслового наполнения и этического выбора, который способен осуществлять только человек.

В сравнении с предыдущими исследованиями зарубежных авторов (Habermas J. [3], Selwyn N. [5]), а также с работами отечественных учёных (Калиева А. Т. [1], Мустафина Г. Б. [2]), настоящая статья предлагает более комплексный философский взгляд на проблему, подчёркивая не только вызовы цифровизации, но и потенциальные пути гуманистической интеграции технологий в образовательный процесс. Это делает возможным выработку новых парадигм, в которых технологии подчиняются ценностям, а не наоборот.

Выводы

Проведённое исследование подтвердило выдвинутое в начале статьи предположение о том, что цифровизация образования представляет собой не только технологический, но в первую очередь философский вызов, требующий пересмотра ключевых категорий образований. Анализ показал, что взаимодействие между человеком и алгоритмами в образовательной среде не сводится к простой дихотомии «человек против машины», а формирует новое пространство взаимосвязей, в котором особую значимость приобретает вопросы субъективности, автономии, ценностей и способности к критическому осмыслению.

Во-первых, установлено, что в условиях цифровой трансформации философия образования должна сместить акценты с сугубо инструментального взгляда на образование в сторону онтологического и аксиологического анализа роли человека в цифровой реальности. Алгоритмические системы

не могут и не должны заменять собой субъектов образовательного процесса, а должны рассматриваться как вспомогательные инструменты при условии сохранения гуманистической направленности образовательных практик.

Во-вторых, выявлено, что современные образовательные политики и стратегии, включая государственные программы цифровизации, в значительной степени упускают из виду философско-этическое измерение происходящих процессов. Это указывает на необходимость разработки новой концептуальной рамки, в которой цифровые технологии интегрируются на основе осознанной этики, культурной преемственности и человекоцентричного подхода.

В-третьих, полученные данные свидетельствуют о том, что существующие цифровые платформы и образовательные системы нуждаются в философском осмыслении и сопровождении, особенно в аспектах, связанных с формированием цифровой идентичности, защитой персональных данных и сохранением критически мыслящей личности в условиях алгоритмизированной образовательной среды.

В-четвёртых, исследование позволило выделить герменевтический, феноменологический и критико-аналитический подходы как наиболее релевантные методологические инструменты для анализа фундаментальных преобразований в образовании, спровоцированных цифровыми технологиями. Эти подходы могут служить основой для дальнейших исследований, направленных на понимание трансформаций образования, культуры, сознания и социальной коммуникации в эпоху цифровизации.

Таким образом, статья вносит вклад в развитие философии образования, углубляя научное понимание человека как субъекта в цифровой среде. Представленные результаты могут быть использованы при формировании этических принципов цифрового образования, создании стратегий образовательного развития и подготовке специалистов, способных к критическому мышлению в условиях стремительно меняющегося технологического ландшафта.

Список использованных источников

- 1 **Калиева, А. Т.** Цифрлық білім беру жағдайындағы педагогикалық өзара әрекет // Білім. Тәрбие. Ғылым. – 2022. – №2. – С. 48–69.
- 2 **Мустафина, Г. Б.** Цифрлық педагогиканың аксиологиялық аспектілері // Қазіргі білім беру: мәселелер мен перспективалар. – 2023. – №1. – С. 31–42.
- 3 **Habermas, J.** The Theory of Communicative Action. – Cambridge: Polity Press, 2021.

- 4 **Stiegler B.** *The Neganthropocene.* – Open Humanities Press, 2020.
- 5 **Selwyn N.** *Should Robots Replace Teachers? AI and the Future of Education.* – Cambridge: Polity, 2019.
- 6 **Галымжанова, А. К.** Герменевтикалық тәсіл арқылы философиялық ұғымдарды талдау // *Философия және қоғам.* – 2021. – №4.
- 7 **Zahavi D.** *Phenomenology: The Basics.* – Routledge, 2019.
- 8 Freire P. *Pedagogy of the Oppressed.* – Bloomsbury Academic, 2020 (Новое издание).
- 9 Цифровой Казахстан: Государственная программа. – Астана, 2023.
- 10 UNESCO. *Ethics of Artificial Intelligence in Education: A Guide for Policymakers.* – Paris: UNESCO Publishing, 2021.

References

- 1 **Kaliyeva, A.T.** Cifrlı'k bilim beru zhagdajy`ndagy` pedagogikalı'k ozara areket [Pedagogical Interaction in the Context of Digital Education] // *Education. Upbringing. Science.* – 2022. – No. 2. – P. 48–69.
- 2 **Mustafina, G.B.** Cifrlı'k pedagogikany`n aksiologiyaly'k aspektileri [Axiological Aspects of Digital Pedagogy] // *Modern Education: Issues and Prospects.* – 2023. – No. 1. – P. 31–42.
- 3 **Habermas, J.** *The Theory of Communicative Action.* – Cambridge: Polity Press, 2021.
- 4 **Stiegler, B.** *The Neganthropocene.* – Open Humanities Press, 2020.
- 5 **Selwyn, N.** *Should Robots Replace Teachers? AI and the Future of Education.* – Cambridge: Polity, 2019.
- 6 **Galymzhanova, A.K.** Germenevtikalı'k tasil arky'ly` filosofiyaly'k uı'ndardy` taldau [Analysis of Philosophical Concepts Through the Hermeneutic Approach] // *Philosophy and Society.* – 2021. – No. 4.
- 7 **Zahavi, D.** *Phenomenology: The Basics.* – Routledge, 2019.
- 8 **Freire, P.** *Pedagogy of the Oppressed.* – Bloomsbury Academic, 2020 (New Edition).
- 9 Цифровой Казахстан: Государственная программа [Digital Kazakhstan: State Program]. – Астана, 2023.
- 10 UNESCO. *Ethics of Artificial Intelligence in Education: A Guide for Policymakers.* – Paris: UNESCO Publishing, 2021.

Поступило в редакцию 01.08.25.

Поступило с исправлениями 08.08.25.

Принято в печать 03.09.25.

**Р. С. Салимова¹, Г. К. Уразалиева²*

¹Торайғыров университеті,
Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.;

²Ресей мемлекеттік гуманитарлық университеті,

Ресей Федерациясы, Мәскеу қ.

01.08.25 ж. баспаға түсті.

08.08.25 ж. түзетулерімен түсті.

03.09.25 ж. басып шығаруға қабылданды.

ЦИФРЛАНДЫРУ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ БІЛІМ ФИЛОСОФИЯСЫ: АДАМ БА, ӘЛДЕ АЛГОРИТМ БЕ?

Жедел цифрландыру жағдайында адам қызметінің барлық салалары, соның ішінде білім беру терең өзгерістерге ұшырайды. Мақала адам мен алгоритмнің түйіскен жеріндегі қазіргі білім беру үдерісін философиялық тұрғыдан түсінуге арналған. Авторлар цифрлық, жасанды интеллект және алгоритмдік жүйелердің білім беру ортасына интеграциялануынан туындаған динамикалық өзгерістерді талдайды. Басты назар мынадай сұраққа аударылады: адамның білім беру субъектісі ретіндегі рөлі сақталады ма, әлде ол цифрлық делдалдарға біртіндеп жол бере ме? Зерттеу барысында білім беру философиясының негізгі категориялары – субъект, білім, құндылық, автономия – цифрлық әлемнің сын-қатерлері тұрғысынан қарастырылады. Әдістеме герменевтикалық, феноменологиялық және сыни-аналитикалық тәсілдерге сүйенеді, сонымен қатар пәнаралық және мәнмәтіндік талдауды қамтиды. Авторлар цифрландыру дәуіріндегі білім беру философиясы қалыптасқан дәстүрлі категорияларды қайта қарастыруды және адам алгоритмге қарсы емес, сыни ойлау, шығармашылық, интерпретация, рефлексия және этикалық таңдау қабілеті арқылы өзінің орталық рөлін сақтайтын гуманистік бағдарларға баса назар аударуды талап етеді деген қорытындыға келеді. Мақала цифрлық дәуірдегі білім берудің жаңа сапасын түсінуге ұмтылатын зерттеушілерге, философтарға және білім беру стратегияларын жасаушыларға, сондай-ақ оқытудың инновациялық тәсілдеріне қызығушылық танытатын оқытушылар мен тәжірибешілерге бағытталған.

Кілтті сөздер: білім беруді цифрландыру; білім философиясы; адам және алгоритм; сыни ойлау; жасанды интеллект; гуманизм; білім беру парадигмасы; цифрлық трансформация.

R. S. Salimova¹, G. K. Urazalieva²

¹Toraighyrov University,
Republic of Kazakhstan, Pavlodar;

²Russian State Humanitarian University,
Russian Federation, Moscow.

Received 01.08.25.

Received in revised form 08.08.25.

Accepted for publication 03.09.25.

PHILOSOPHY OF EDUCATION IN THE AGE OF DIGITALIZATION: HUMAN OR ALGORITHM?

In the context of rapid digitalization, all spheres of human activity, including education, are undergoing profound transformations. The article is devoted to the philosophical understanding of the modern educational process at the junction of man and algorithm. The authors analyze the dynamic changes caused by the integration of digital technologies, artificial intelligence and algorithmic systems into the educational environment. The main focus is on the question: is the role of a person as a subject of education preserved, or is he gradually giving way to digital intermediaries? The research examines the key categories of educational philosophy – subject, knowledge, value, autonomy – in the context of the challenges of the digital world. The methodology is based on hermeneutical, phenomenological, and critical-analytical approaches, and also includes interdisciplinary and contextual analysis. The authors conclude that the philosophy of education in the era of digitalization requires a rethinking of established traditional categories and an emphasis on humanistic guidelines in which a person is not opposed to an algorithm, but retains his central role due to the ability to critical thinking, creativity, interpretation, reflection and ethical choice. The article is addressed to researchers, philosophers, and developers of educational strategies seeking to understand the new quality of education in the digital age, as well as to teachers and practitioners interested in innovative approaches to learning.

Keywords: educational digitalization; philosophy of education; human and algorithm; critical thinking; artificial intelligence; humanism; educational paradigm; digital transformation.

МРНТИ 02.15.61

<https://doi.org/10.48081/QWNU8778>

***А. Ю. Севальников¹, Е. Сағи²**

¹Институт философии РАН,
Российская Федерация, г. Москва;

²Торайғыров университет,
Республика Казахстан, г. Павлодар

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7712-9740>

²ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-8449-8269>

*e-mail: sevalnicov@rambler.ru

ЦЕННОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Статья посвящена всестороннему анализу феномена ценности в философии, а также исследованию происхождения самого понятия «ценность» и формированию аксиологии как самостоятельной философской дисциплины. Рассматриваются ключевые этапы эволюции учения о ценностях в контексте идей Г. Риккерта, М. Шелера, Н. фон Гартмана, а также представителей религиозно-философской традиции – Н. О. Лосского и Д. фон Гильдебранда. Особое внимание уделяется различиям между объективистским и субъективистским подходами к пониманию ценностей, а также роли интуиции, разума и духовного опыта в их постижении. Проанализированы современные концепции, появившиеся во второй половине XX века, в том числе теории ценностных ориентаций, играющих ключевую роль в процессе социализации личности и культурной самоидентификации. Авторы обосновывают продуктивность деятельностного подхода и принципа культуроисторизма для анализа сущности ценностей, подчеркивая их динамический и контекстуальный характер. Ценность рассматривается как надполезностное смысловое отношение человека к действительности, формирующееся в ходе исторического развития, практической деятельности и культурного взаимодействия. Статья представляет интерес как для философов, так и для социологов, культурологов и исследователей гуманитарного знания.

Ключевые слова: ценность, аксиология, ценностные ориентации, аксиосфера, нравственность, этика.

Введение

Любое сегодня привычное научное или философское понятие или категория имеют за собой порой очень длительную историю, так сказать, подспудного существования. Европейская наука и философия имеет своим главным истоком греко-римскую культуру, науку и философию. Но сами наука и философия сформировались в Древней Греции, конечно, не без влияния древнеиндийских духовных и мировоззренческих традиций, но главным образом – от осмысления греческой мифологии и обыденной полисной жизни. Будущие специализированные понятия и категории формируются в процессе обычной жизнедеятельности, обкатываются в ведении бесед и диспутов. Почти во всех городах Древней Греции были публичные места, подчас соединённые с рынком и именовавшиеся агорами. В своё время на афинской агоре знаменитый Сократ ненавязчиво и незаметно для собеседника старался вырабатывать у него правильное понимание того или иного вопроса. Одним из таких «подспудных» понятий в Античности и ещё много столетий после неё было понятие «ценность». И только во второй половине XIX в. оно заявило о себе как философское понятие. Но тем не менее, споры о его содержании, концептуальном статусе, сфере и границах применимости продолжают по сей день. В задачу настоящей статьи входит краткий обзор-анализ основных трактовок феномена ценности и обоснование своего выбора его объяснения.

Материалы и методы

В работе использованы деятельностный подход и принцип культуроисторизма. Они, во-первых, акцентируют внимание на том, что ценности не являются онтологическим феноменом, а представляют собой продукт человеческой деятельности и межличностных отношений. Принцип культуроисторизма позволил объяснить, почему понятие ценности было сформулировано в философии XVIII века.

Результаты и обсуждение

Как представление ценность существовала с глубокой древности. Но это представление не становилось предметом сознательного исследования. Начало его более или менее явной артикуляции в общественном и индивидуальном сознании приходится на Новое время, когда в Западной Европе стал формироваться капитализм, базирующийся на индивидуализме и системе отношений вещной зависимости. Уже в эпоху Просвещения слово «ценность» появляется в учёных трактатах. Как некое понятие его употребляет И. Кант в своём этическом учении. Так, в «Основах метафизики нравственности» (1775 г.) он утверждал: «... То, что составляет условие, при котором только и возможно, чтобы нечто было целью самой по себе, имеет не

только относительную ценность, т. е. цену, но и внутреннюю ценность, т. е. *достоинство*» [1, с. 277].

Но подлинно понятийный статус ценность обрела в работах немецкого философа, психолога и естествоиспытателя Р. Г. Лотце (1817–1881). В 1856–1864 гг. он опубликовал в трёх частях книгу «Микрокосм. Мысли о естественной и общественной истории человечества. Опыт антропологии», в которой он впервые возвел ценность на уровень самостоятельной общеполитической категории, отделив её от мира явлений. Согласно ему, в отличие от *истин* и *фактов*, *ценностные определения* (Wertbestimmunge) относятся к миру *должного*. При этом статус самостоятельной категории получает у него и понятие *значимости*, которая наряду с *должным* является одним из важнейших признаков ценностного сознания (см. об этом в: [2, с. 1, с. 123]). Таково начало учения о ценностях.

В 1902 г. появилось два предложения для обозначения этого учения. Французский философ П. Лапи в работе «Логика воли» предложил термин «аксиология» (от греческих слов *ἀξία* (ценность) + *λόγος* (учение), а И. Крайбиг предложил термин «тимология» (от греческих слов *τίμη* (оценка, цена) + *λόγος* (учение)). Победил термин, предложенный П. Лапи. Несколько позже немецкий философ Э. фон Гартман в своём сочинении «Система философии в общем очертании» (1907–1909 гг.) определяет место аксиологии наряду с гносеологией, натурфилософией, метафизикой, этикой, эстетикой и философией религии, утвердив тем самым название и статус новой философской дисциплины. С этого времени и началась длительная история этой дисциплины, продолжающаяся и по настоящее время.

И всё же в полную силу о себе проблема ценностей заявила о себе в работах представителей неокантианства. В Баденской школе это В. Виндельбанд и Г. Риккерт, в Марбургской Г. Коген. Мы обратимся к Г. Риккерту. Последний специально касается проблемы ценностей в работах «О понятии философии» (1910 г.) и «О системе ценностей» (1914 г.). Второй параграф статьи «О понятии философии» называется «Ценность и действительность».

Логика рассуждений Г. Риккерта такова. Предметом философии является мировое целое, или мир как целое. Она стремится выработать то, что называется мировоззрением. Размышление о мире приводит к противопоставлению Я и мира, или иначе – субъекта и объекта. Во взаимоотношении Я и мира, субъекта и объекта состоит, отмечает Риккерт, «мировая проблема». Данная проблема допускает два решения. Первое состоит в том, чтобы, исходя объекта, понять мировое целое посредством включения в него субъекта. Второе решение состоит в том, чтобы, напротив,

исходя из субъекта, строить мировое целое. Так, отмечает Риккерт, возникают два противоположных мировоззрения, из которых каждое является односторонним и, следовательно, неистинным. Одно является объективистским, другое субъективистским. Ни то, ни другое не решают проблему мировоззрения. «Предлагаемое ими понятие о мире, – отмечает Г. Риккерт, – для этого слишком узко. Они оба не выходят из рамок действительного бытия, но как бы широко мы ни мыслили бытие, оно всё же только часть мира. Кроме бытия имеются ещё ценности, значимость которых мы хотим понять. Лишь совокупность бытия и ценностей составляет вместе то, что заслуживает имени мира» [3, с. 22].

Это и есть основное положение Г. Риккерта и вообще неокантианцев Баденской школы: мир, включающий в себя субъекта и объекта, не есть весь мир, а лишь часть его. Обычные люди, отмечает Риккерт, рассуждают следующим образом. В некоторых объектах можно обнаружить ценности. Их обычно тоже называют ценностями. Но это полная ошибка. Например, картину или скульптуру называют ценностью. Но разве полотно, краски и лак картины или мрамор (бронза, дерево, гранит и т.д.) статуи – являются ценностями? Имеет смысл, замечает Риккерт, такие объекты называть «благами», отличая их от тех ценностей, которые содержатся в этих объектах. Однако ценность, бесспорно, как-то связана не только с объектом, но и с субъектом: ведь это он оценивает объекты. Возникает вопрос: а может акт оценки и ценность – одно и то же? Так обычно и думают, отмечает Риккерт. Считают поэтому, что без оценивающего субъекта не существует и ценности. Они смешивают ценности и оценки; и это встречается сплошь и рядом.

На наш взгляд, Г. Риккерт поступает совершенно правильно, разводя понятия ценности и оценки. Если оценка может существовать, а может и не существовать, то существование ценности всегда имеет место. Ценность логически первичнее акта оценки, а значит и самой оценки. Но Риккерт идёт дальше. Он пишет: «Для ценности как ценности вопрос о её существовании лишён всякого смысла. Проблема ценности есть проблема “значимости” (Geltung) ценности, и этот вопрос ни в коем случае не совпадает с вопросом о существовании акта оценки» [3, с. 23].

В обиходе ценностями считают блага и оценки. На деле, считает Риккерт, это вовсе не ценности, а единство ценностей и тех или иных объектов. Но ценности не принадлежат ни миру объектов, ни миру субъектов, а образуют совершенно самостоятельное царство по ту сторону их (см.: [3, с. 23]). Возникает вопрос: что это за сфера, что за измерение, в котором сосредоточены ценности? Это «среднее царство» Г. Риккерта связывает с понятием смысла. Таким образом, мир, согласно ему, состоит

из действительности, подразделяющейся на объект и субъект, ценностей и смысла. Из всего рассмотренного мы видим, что Риккерт, во-первых, не разъяснил, что такое ценность, в чём её сущность; во-вторых, не раскрыл способ существования ценностей и место их сосредоточения; в-третьих, к этому «иксу» прибавил ещё и «игрек» – смысл, о котором, как и о ценностях ничего вразумительного не сказал.

Известный основоположник философской антропологии М. Шелер обсуждал проблему ценностей в работе «Формализм в этике и материальная эта ценностей» (1916 г.). Будучи последователем Э. Гуссерля, он попытался применить феноменологический подход и исследованию ценностей, т.е. построить феноменологическую аксиологию. Позиция М. Шелера, в принципе, мало чем отличается от позиции Г. Риккерта, но, конечно, по многим деталям не совпадает с ней. Отметим некоторые. Шелер разделяет ценности на позитивные и негативные. Причем это различие, считает он, «определяется сущностью ценностей и значимо совершенно независимо от того, что мы можем чувствовать те или иные особые ценностные противоположности...» [4, с. 300], т.е. определяется объективно-онтологически.

М. Шелер различает ценности и носителей ценностей, в которых ценности проявляются. Это могут быть различные предметы, блага и т.д., особое место среди которых занимают личности. Шелер даёт классификацию ценностей, которая, согласно ему, выстроена в строгую иерархию: есть высшие и низшие ценности. «То, что некая ценность является “более высокой”, чем другая, – пишет Шелер, – постигается в особом акте познания ценностей который называется «предпочтением» [4, с. 305]. Актом, противоположным предпочтению, является, согласно Шелеру, пренебрежение. Иерархия ценностей, отмечает он, не может быть логически дедуцирована. Человек каждый раз должен заново определять статус той или иной ценности в актах предпочтения – пренебрежения. Несмотря на то, что некоторые аспекты шелеровской теории ценно являются положительными, в целом эту теорию нельзя признать вполне положительной. Она не отвечает на вопрос о сущности ценностей, о «месте» их сосредоточения и т.д.

Теорию ценностей разрабатывал и немецкий философ Н. фон Гартман, основатель так называемой «критической онтологии». На основе этой онтологии он разрабатывал проблемы теории знания, этики, эстетики, философии истории. На ней же базируется и его теория ценности. Мир, согласно ему, имеет иерархическое строение; он состоит из четырёх «слоёв»: неорганическая природа, жизнь, психическое и духовное бытие.

Ценности, согласно Н. Гартману, наряду с областью логического, относятся к сфере идеального бытия. Сфера ценностей родственна области сущностей, но не тождественна ей. Сущности, отмечает он, «ведут себя как законы, которым реальные случаи всецело подчинены. В случае ценностей это не так. Реальные случаи могут им соответствовать или также и не соответствовать; и тогда в первом случае они оказываются “ценными”, во втором – «контрценными». Ценности не детерминируют реальное непосредственно, но образуют лишь инстанцию его ценностности или контрценностности. Но в их собственном существовании контрценностность реального ничего не меняет. Они таким образом, с самого начала оказываются независимыми от того, соответствует ли им реальность или нет. В этом отношении их самостоятельность явно более высока, чем самостоятельность сущностей» [5, с. 598–599].

«Ценности, – утверждает Н. Гартман, – не обладают реальным в-себе-бытием» [6, с. 200]. Их в-себе-бытие всецело идеально. Они абсолютны и неизменны. Изменяться может лишь ценностное сознание человека. Как и М. Шелер, Н. Гартман затрагивает проблему иерархии ценностей. В книге «Эстетика» он выделил шесть иерархически расположенных классов ценностей (см.: [7, с. 477]). Такова в общих чертах теория ценностей Н. фон Гартмана. В ней он даёт ответы на многие вопросы, но на самый главный: что такое ценность, в чём её сущность, он не отвечает.

До этого мы рассматривали светские, секулярные концепции ценностей. Но существовали и существуют также и религиозные. Католический философ-феноменолог Д. фон Гильдебранд представил свою теорию в сочинении «Этика». В её основание он кладёт понятие значимости. Он выделяет два её типа. Например, комплимент, сказанный одним человеком другому, значим только субъективно. А, например, акт прощения одним человеком другого значим сам по себе. Первый тип значимости приносит удовлетворение, второй содержит в себе ценность. Гильдебранд отмечает, что «ценность обладает значимостью независимо от своего влияния на нас» [8, с. 45]. Таким образом, ценность – это значимое само по себе. При этом различие между ценностью и тем, что всего лишь приносит удовольствие, – это, по Гильдебранду, различие не в степени, а по существу, это – фундаментальное различие.

Наряду с удовольствием и ценностью он выделяет ещё и объективное благо. Между объективным благом и чисто субъективным удовольствием, и между ценностью и субъективным удовольствием, имеет место, согласно Гильдебранду, сущностное различие. Объективное благо, отмечает он, предполагает ценность, но в то же время и отлично от неё. Вполне логичен

вопрос о происхождении ценностей. Но Д. фон Гильдебранд заявляет, что данный вопрос неуместен. В качестве выхода из положения он использует понятие Бога, утверждая, что понятие ценности «уже содержит в себе понятие Бога...» [8, с. 131], а «отношение между любой воплощённой в тварном объекте ценностью и Богом носит характер отражения. Любая ценность тварного объекта особым образом отражает Бога, сущность всех ценностей» [8, с. 204]. Таким образом, Бог – источник ценностей; сотворив мир, он вложил в него и ценности. Такой ответ, как представляется, является самым лёгким, так как не поддаётся проверке.

С понятием Бога связана и теория ценностей, разработанная русским религиозным философом Н. О. Лосским. Эта связь видна уже в самом названии сочинения, в котором изложена данная теория: «Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей» (1931 г.). «Ценность, – пишет Лосский во Введении к данному сочинению, – есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка. Всякое малейшее изменение, вносимое в мир каким бы то ни было деятелем, имеет ценностную сторону и предпринимается не иначе как на основе каких-либо ценностных моментов и ради них» [9, с. 250]. Однако эта вездесущность ценностей, отмечает Лосский, не облегчает, а, наоборот, затрудняет их исследование.

Свою философию он называет идеал-реализмом. Следовательно, истинная теория ценностей может быть лишь идеал-реалистической. Он выделяет два основных рода ценности – первичную и производную. Он пишет: «Понятие производной ценности легко может быть определено: это бытие в его значении для осуществления абсолютной полноты бытия или удаления от неё. Вся трудность заключается в определении первичной сверхмировой абсолютной положительной ценности: это – Бог как само Добро, абсолютная полнота бытия, сама в себе имеющая смысл, оправдывающий её, делающий её предметом одобрения, дающий ей безусловное право на осуществление и предпочтение чему бы то ни было другому» [9, с. 286]. Определение производной ценности, отмечает Лосский, не содержит в себе разделения на род и видовое отличие.

Согласно ему, в состав ценности входит переживание, но оно не главное в ней. Главное в ней – значение и смысл. Они составляют *идеальный* аспект ценности. Следовательно, утверждает Лосский, всякая ценность или полностью идеальна, или же просто заключает в себе идеальный аспект. Но всецело идеальной ценностью является, согласно ему, только Бог, первичная ценность, а все производные ценности идеально-реальны. Различение благ и ценностей, значимое для западных аксиологов – его предшественников

и современников – Лосский считает несущественным. Лосский разделяет ценности также на абсолютные и относительные, объективные и субъективные, положительные и отрицательные.

Спрашивается: преодолевает ли учение Н. О. Лосского те односторонности западных вариантов аксиологии, на которые он сам указывал, а главное: отвечает ли он на вопрос: такое ли это благо, в чём её природа? На наш взгляд, нет. Скажем, преодоление им противопоставления благ и ценностей можно считать положительным моментом. Столь же положительным можно считать и то, что он «по лил» ценности в мире бытия и вывел, так сказать, их из той непонятной области, куда их помещали Г. Риккерт или Н. Гартман. Но он прошёл мимо различия Д. фон Гилдебрандом чисто субъективных удовольствий и ценностей. Его разделение ценностей на субъективные и объективные носит чисто количественный характер, а разделение на положительные и отрицательные основано на понятиях добра и зла. И хотя Лосский и оговаривает, что эти понятия он берёт не в узко-этическом, а широком смысле, этот «широкий» смысл у него не может быть иным, нежели религиозным. Именно религиозный характер аксиологии Лосского делает её, на наш взгляд, ограниченной.

Таков наш взгляд на первые шаги аксиологии и наша оценка классических её представителей этого периода. Время шло и появлялись новые и «давно забытые старые», выдаваемые за новые учения о ценностях и толкование сущности ценностей. В первой половине 60-х годов прошлого века в бывшей советской философии прошла дискуссия о том, уместно ли специальное учение о ценностях в государственной, т. е. «марксистско-ленинской» философии. Были изложены самые различные точки зрения, но дискуссия была свёрнута после ввода войск Варшавского договора в Чехословакию. Позже о ценностях стали писать в социологических и психологических исследованиях.

Но в философии, как западной, так и философии независимых государств, образовавшихся на руинах Советского Союза, проблема ценностей продолжает оставаться актуальной. И по-прежнему существуют различные толкования сущности ценностей. Встречаются даже курьёзные, так что не ясно, вполне ли их авторы отдают себе отчёт в своих дефинициях. Так, например, Л. В. Баева пишет: «Ценность представляет собой комплексный экзистенциальный феномен, включающий антропологический и онтологический источники, где первый связан с экзистенцией личности как условием предпочтения, оценивания и творчества ценностей, а второй обусловлен ситуативностью бытия, априорно не задающего смыслы и цели жизни, но конституирующего её потребности и пределы» [10, с. 9].

Нам представляется, что решение проблемы сущности ценностей решается в рамках альтернативы «иметь или быть», сформулированной Э. Фроммом. И попытки решения данной проблемы именно в рамках данной альтернативы можно встретить в литературе. Так, согласно П. Менцеру, ценность – это то, что «чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием, почтением» (цит. по: [11, с. 498]). А французский философ А. Конт-Спонвиль пишет, что ценность – «То, что ценится. Можно ли сказать, что ценность – это то, что имеет цену? – спрашивает он и отвечает: – Только в отношении того, что продаётся. <...> следует различать вещи, *имеющие* ценность (находящую более или менее точное выражение в рамках логики обмена), и вещи, *являющиеся* ценностями. Последние не имеют цены и не могут быть предметом эквивалентного обмена на деньги или даже на другие ценности» [12, с. 673]. Здесь он проводит различие между ценностью (общекультурным феноменом) и *стоимостью* – феноменом сугубо экономическим. И его вывод таков: «ценности не имеют цены; они... обладают достоинством, не имеющим эквивалента и неспособным служить предметом обмена» [12, с. 674].

Именно идеям П. Менцера и А. Конт-Спонвиля близка позиция Г. С. Батищева, хотя, скорее всего, он и не был знаком с ними. Он выделяет в человеческом бытии и его отношении к действительности три сущностно присущих ему уровня (он называет их полями в том значении этого термина, когда говорят, например, о магнитном поле). Эти поля соотносятся между собой по логике иерархии. Нижнее «поле» Г. С. Батищев называет *полезностей*. Полезность соответствует некоторой потребности. Человек-субъект в границах данного уровня-поля является точкой отсчёта: это он требует полезного от действительности. А. А. Хамидов, разделяющий позицию Батищева, называет данный уровень потребностно-полезностным. Над ним, согласно Батищеву, располагается «поле *устремлённостей*. Здесь человек уже не является точкой отсчёта отношения: он всем своим существом устремлён к неким смысловым точкам, которые и являются *ценностями*. Г. С. Батищев пишет: «В поле бесконечных устремлённостей субъект выступает как такой субъект, для которого даже самая огромная величина полезностей не имеет силы влияния на него сравнительно с ценностным и целевым... *качеством направленности*» [13, с. 433]. А. А. Хамидов называет данный уровень устремлённостно-ценностным.

Таким образом, феномен ценности выделен как конкретный специфический феномен человеческой действительности, который нельзя отождествлять с любым другим значимым для человека феноменом.

«Ценность как таковая, – отмечает Хамидов, – представляет собой над-полезностное смысловое содержание в составе культуры, ни в одном своём моменте нередацируемое к полезности и *невыводимое* из неё» [14, с. 329]. В своей системе ценности образуют целую *аксиосферу* (от ἀξία – ценность и σφαῖρα – шар), которая, конечно, вовсе не образует собой сферу в соответствии с геометрическим значением понятия «сфера», а рассредоточена по всем уровням культуры как целого (см.: [14, с. 325]).

Но каждый родившийся индивид застаёт в социуме некую готовую, не им созданную систему ценностей (аксиосферу). Но эта сфера и составляющие её ценности как-то когда-то возникают. Поэтому Г. С. Батищев пишет и о третьем уровне-поле. Это – поле *созидания* самих бесконечных устремлённостей, или собственно *творчества* как космического универсального, бытийственного соавторствования» [13, с. 433]. Подавляющее большинство людей, как правило, не участвует в их образовании. Но процесс обновления ценностей и создания новых ценностей в человеческой действительности имеет место.

Каждому индивиду, каждой человеческой общности присуща устремлённость к некоторому набору ценностей. Такая устремлённость получила название *ценностная ориентация*. Ценностные ориентации являются важным фактором, обуславливающим мотивы действий и поступков человека. Эти ориентации формируются у индивида с детства. Первоначально они усваиваются исподволь, минуя его сознательную инстанцию и незаметно становясь его достоянием. На формирование ценностных ориентаций оказывают своё влияние сначала семья и детский сад (если ребёнок посещает его), затем школа. В подростковом возрасте своё влияние оказывает улица (в широком смысле), потом различные молодёжные организации, рабочий коллектив и т. д. Развитые ценностные ориентации – признак зрелости человека как личности, показатель меры его социальности, верности определённым принципам и идеалам, способности к волевым усилиям во имя этих идеалов и ценностей. Ценностные ориентации обеспечивают целостность и устойчивость личности, определяют структуры сознания и программы и стратегии деятельности, контролируют и организуют мотивационную структуру, ориентации на конкретные виды деятельности и общения.

В ведущих капиталистических странах со второй половины XX в. стали приобретать потребительские настроения и ориентации не столько на ценности, сколько на потребности. Появились даже теории «общества высокого потребления». Принцип индивидуализма соединился с принципом потребления. Когда распался Советский Союз в сформировавшихся на его руинах суверенные государства стали проникать идеи индивидуализма

и потребительства. Ценностные ориентации как бы отошли на второй план. Всё это оказало влияние прежде всего на молодёжь. Исследователи констатируют, что очень многих представителей постсоветской молодёжи больше всего стали волновать проблемы качества и уровня образования, кризиса семьи, но в то же время проблемы культуры остаются на втором месте. Молодёжь не озабочена сегодня мировыми проблемами. Ценности в её понятии – это получение профессии и достойная работа, карьера и получение удовольствий, невзирая на их качество. Наблюдается некоторое снижение социальной активности молодёжи, утрата ею основных духовных ценностей, её сознание имеет все признаки сумбурности, нецелостности. Поэтому главной задачей социально-культурной сферы сегодня является формирование у молодого поколения правильных ценностных ориентаций.

Выводы

В статье поставлена и решена задача выяснения сущности и культурного статуса ценностей и ценностных ориентаций. Показано, что только деятельностный, культурно-исторический подход позволяет адекватно её решить. За рамками статьи в силу ограниченности её объёма остались ещё многие проблемы, которые и в зарубежной, и в отечественной аксиологии ставятся и решаются посредством применения недостаточной для их решения методологии. За рамками статьи остались такие проблемы, как сосуществование различных ценностей, конфликт ценностей, выяснение, чем на самом деле являются так называемые «общечеловеческие ценности» и некоторые другие.

Список использованных источников

- 1 **Кант, И.** Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения. Т. 4. Ч. 1. – М. : «Мысль», 1965. – С. 219–310.
- 2 **Столович, Л. Н.** Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. – М. : Республика, 1994. – 464 с.
- 3 **Риккерт, Г. О** понятии философии // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М. : Республика, 1998. – С. 15–42.
- 4 **Шелер, М.** Формализм в этике и материальная этика ценностей / Шелер М. Избранные произведения. – М. : Гнозис, 1994. – С. 259–337.
- 5 **Гартман, Н. К** основоположению онтологии. – СПб. : «Наука», 2003. – 639 с.
- 6 **Гартман, Н.** Этика. – СПб. : «Владимир Даль», 2001. – 259 с.
- 7 **Гартман, Н.** Эстетика. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1958. – 692 с.

- 8 **Гильдебранд, Д. фон.** Этика. – СПб. : Алетейя, 2001. – 569 с.
- 9 **Лосский, Н. О.** Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей // Лосский Н. О. Бог и мировое зло. – М. : Республика, 1994. – С. 249–314.
- 10 **Баева, Л. В.** Экзистенциальная природа ценностей. Автореферат дис. ... д-ра филос. наук. – Волгоград, 2004. – 43 с.
- 11 **Философский словарь.** Основан Г. Шмидтом. Перераб. издание под ред. проф. д-ра Г. Шишкова. Изд. 22-е. – М. : «Республика», 2003. – 576 с.
- 12 **Конт-Спонвиль, А.** Философский словарь. – М. : Этерна, Палимпсест, 2012. – 751 с.
- 13 **Батищев, Г. С.** Диалектика как логика мировоззрения целостно развитого человека, как логика его творческого отношения к миру и к самому себе: перспективы // Батищев Г. С. Избранные произведения. – Алматы : ИФПР КН МОН РК, 2015. – С. 426–434.
- 14 **Хамидов, А. А.** Ценности культуры и ценности цивилизации // Хамидов А. А. Работы разных лет. В 3-х т. Т. 3. – Усть-Каменогорск: К_АСУ, 2023. – С. 306–348.

References

- 1 **Kant, I.** Osnovy` metafiziki нравственности [Fundamentals of the Metaphysics of Morality] // Kant I. Sochineniya. T. 4. Ch. 1. – Moscow : My`sl`, 1965. – P. 219–310.
- 2 **Stolovich, L. N.** Krasota. Dobro. Istina. Ocherk istorii e`steticheskoy aksiologii [Beauty. Good. Truth. Essay on the history of aesthetic axiology]. – Moscow : Respublika, 1994. – 464 p.
- 3 **Rikkert, G.** O ponyatii filosofii [About the concept of philosophy] // Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul`ture. – Moscow : Respublika, 1998. – P. 15–42.
- 4 **Sheler, M.** Formalizm v e`tike i material`naya e`tika cennostej [Formalism in Ethics and Material Ethics of Values] / Sheler M. Izbranny`e proizvedeniya. – Moscow : Gnozis, 1994. – P. 259–337.
- 5 **Gartman, N.** K osnovopolozheniyu ontologii [Towards the foundation of ontology]. – SPb. : Nauka, 2003. – 639 p.
- 6 **Gartman, N.** E`tika [Ethics]. – SPb. : Vladimir Dal`, 2001. – 259 p.
- 7 **Gartman, N.** E`stetika [Aesthetics]. – Moscow : Izd-vo inostrannoj literatury`, 1958. – 692 p.
- 8 **Gil`debrand, D. fon.** E`tika [Ethics]. – SPb. : Aletejya, 2001. – 569 p.

- 9 **Losskij, N. O.** Cennost` i by`tie. Bog i Czarstvo Bozhie kak osnova cennostej [Value and Being. God and the Kingdom of God as the Basis of Values] // Losskij N. O. Bog i mirovoe zlo. – Moscow : Respublika, 1994. – P. 249–314.
- 10 **Baeva, L. V.** E`kzistencial`naya priroda cennostej. Avtoreferat dis. ... d-ra filoz. nauk [The existential nature of values. Abstract of dis. ... Doctor of Philosophy] . – Volgograd, 2004. – 43 p.
- 11 **Filosofskij slovar`** [Philosophical Dictionary]. Osnovan G. Shmidtom. Pererab. izdanie pod red. prof. d-ra G. Shishkoffa. Izd. 22-e. – Moscow : «Respublika», 2003. – 576 p.
- 12 **Kont-Sponvil`, A.** Filosofskij slovar` [Philosophical Dictionary]. – Moscow : E`terna, Palimpsest, 2012. – 751 p.
- 13 **Batishhev, G. S.** Dialektika kak logika mirovozzreniya celostno razvitogo cheloveka, kak logika ego tvorcheskogo otnosheniya k miru i k samomu sebe: perspektivy` [Dialectics as the logic of the worldview of a holistically developed person, as the logic of his creative attitude to the world and to himself: prospects] // Batishhev G. S. Izbranny`e proizvedeniya. – Almaty` : IFPR KN MON RK, 2015. – P. 426–434.
- 14 **Xamidov, A. A.** Cennosti kul`tury` i cennosti civilizacii [Values of culture and values of civilization] // Xamidov A. A. Raboty` razny`x let. In 3 vol. Vol. 3. – Ust`-Kamenogors k: K_ASU, 2023. – P. 306–348.

Поступило в редакцию 01.08.25.

Поступило с исправлениями 04.08.25.

Принято в печать 03.09.25.

*А. Ю. Севалников¹, Е. Сагу²

¹Философия институты, Ресей ғылым академиясы,

Ресей Федерациясы, Мәскеу қ.

²Торайғыров университеті,

Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.

01.08.25 ж. баспаға түсті.

04.08.25 ж. түзетулерімен түсті.

03.09.25 ж. басып шығаруға қабылданды.

ҚҰНДЫЛЫҚ ФИЛОСОФИЯЛЫҚ МӘСЕЛЕ РЕТІНДЕ

Мақала философиядағы құндылық феноменін жан-жақты талдауға, сондай-ақ «құндылық» ұғымының шығу тегін

зерттеуге және аксиологияны дербес философиялық пән ретінде қалыптастыруға арналған.

Онда Г. Риккерт, М. Шелер, Н. фон Гартман идеяларының, сондай-ақ діни-философиялық дәстүр өкілдері – Н. О. Лосский мен Д. фон Гильдебрандтың еңбектері аясында құндылықтар ілімінің эволюциясының негізгі кезеңдері қарастырылады. Құндылықтарды түсінудегі объективистік және субъективистік тәсілдер арасындағы айырмашылықтарға, сондай-ақ оларды танып-білу процесіндегі интуицияның, ақыл-ойдың және рухани тәжірибенің рөліне ерекше назар аударылады.

Мақалада ХХ ғасырдың екінші жартысында пайда болған заманауи тұжырымдамалар, соның ішінде тұлғаның әлеуметтенуі мен мәдени өзін-өзі сәйкестендіру үдерісінде маңызды рөл атқаратын құндылықтық бағдарлар теориялары талданады. Авторлар құндылықтардың мәнін талдау үшін іс-әрекеттік тәсіл мен мәдени-тарихи принциптің тиімділігін дәлелдей отырып, олардың динамикалық және контекстуалдық сипатын атап көрсетеді.

Құндылық тарихи даму, практикалық әрекет және мәдени өзара әрекет барысында қалыптасатын адамның шындыққа деген утилитарлықтан жоғары мағыналық қатынасы ретінде қарастырылады. Мақала философтар үшін де, әлеуметтанушылар, мәдениеттанушылар мен гуманитарлық білім саласындағы зерттеушілер үшін де қызығушылық тудырады.

Кілтті сөздер: құндылық, аксиология, құндылықтық бағдарлар, аксиосфера, адамгершілік, этика.

A. Yu. Sevalnikov¹, E. Sagi²

¹Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Moscow;

²Toraighyrov University, Republic of Kazakhstan, Pavlodar.

Received 01.08.25.

Received in revised form 04.08.25.

Accepted for publication 03.09.25.

VALUE AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM

The article is devoted to a comprehensive analysis of the phenomenon of value in philosophy, as well as an exploration of the origins of the very concept of “value” and the formation of axiology as an independent philosophical discipline.

It examines the key stages in the evolution of the theory of values in the context of the ideas of H. Rickert, M. Scheler, N. von Hartmann, as well as representatives of the religious-philosophical tradition – N. O. Lossky and D. von Hildebrand. Special attention is given to the differences between objectivist and subjectivist approaches to understanding values, as well as to the role of intuition, reason, and spiritual experience in their apprehension.

The article analyzes contemporary concepts that emerged in the second half of the 20th century, including theories of value orientations that play a crucial role in the process of personality socialization and cultural self-identification. The authors argue for the productivity of the activity-based approach and the principle of cultural-historicism in analyzing the essence of values, emphasizing their dynamic and contextual nature.

Value is considered as a supra-utilitarian, meaningful relation of a person to reality, formed through historical development, practical activity, and cultural interaction. The article is of interest not only to philosophers, but also to sociologists, cultural theorists, and scholars in the humanities.

Keywords: value, axiology, value orientations, axiosphere, morality, ethics.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ АҚПАРАТ

Ахметова Гаухар Галымовна, философия ғылымдарының кандидаты, қауымд. профессор (доцент), Торайғыров университеті, Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы, e-mail: gaukharika@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2904-3819>

Жумашева Лаура Жолдабаевна, Торайғыров университеті, Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы, e-mail: laridose@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2142-0218>

Мажитова Айнаш Әлібайқызы, «Философия» мамандығы бойынша докторант, Журналистика және әлеуметтік ғылымдар факультеті, Л. Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., 010008, Қазақстан Республикасы, e-mail: nicole_kz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0362-9925>

Матенова Жанна Нұрланқызы, Комплаенс офицері, Торайғыров университеті, Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы, e-mail: zhmatenova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7457-3811>

Сағи Ернур, әлеуметтік ғылымдар магистрі, кіші ғылыми қызметкер, Торайғыров университеті, Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы, e-mail: holy_1992@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8449-8269>

Салимова Райгуль Сабыровна, «Философия және әлеуметтік ғылымдар» кафедрасының аға оқытушысы, Гуманитарлық және әлеуметтік ғылымдар факультеті, Торайғыров университеті, Павлодар қ., 140008, Қазақстан Республикасы, e-mail: salimova_raigul@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6747-4620>

Севальников Андрей Юрьевич, философия ғылымдарының докторы, профессор, Ресей Ғылым академиясы Философия институтының бас ғылыми қызметкері, Мәскеу қ., 109240, Ресей Федерациясы, e-mail: sevalnicov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7712-9740>

Уразалиева Гульшат Кулумжановна, философия ғылымдарының кандидаты, доцент, Әлеуметтік факультет, Ресей мемлекеттік гуманитарлық университеті, Мәскеу қ., 125047, Ресей Федерациясы, e-mail: urazalieva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7976-7527>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахметова Гаухар Галымовна, кандидат философских наук, ассоц. профессор (доцент), Торайғыров университет, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан, e-mail: gaukharika@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2904-3819>

Жумашева Лаура Жолдабаевна, Торайғыров университет, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан, e-mail: laridose@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2142-0218>

Мажитова Айнаш Әлібайқызы, докторант по специальности «Философия», Факультет журналистики и социальных наук, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, г. Астана, 010008, Республика Казахстан, e-mail: nicole_kz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0362-9925>

Матенова Жанна Нурлановна, Комплаенс офицер, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан, e-mail: zhmatenova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7457-3811>

Сағи Ернур, магистр социальных наук, младший научный сотрудник, Торайғыров университет, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан, e-mail: holy_1992@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8449-8269>

Салимова Райгуль Сабыровна, старший преподаватель, кафедра «Философия и социальные науки», Факультет гуманитарных и социальных наук, Торайғыров университет, г. Павлодар, 140008, Республика Казахстан, e-mail: salimova_raigul@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6747-4620>

Севальников Андрей Юрьевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва, 109240, Российская Федерация, e-mail: sevalnicov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7712-9740>

Уразалиева Гульшат Кулумжановна, кандидат философских наук, доцент, Социологический факультет, Российской государственной гуманитарный университет, г. Москва, 125047, Российская Федерация, e-mail: urazalieva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7976-7527>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Akhmetova Gaukhar, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Toraighyrov University, Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan, e-mail: gaukharika@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2904-3819>

Matenova Zhanna Nurlanovna, Compliance Officer, Toraighyrov University, Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan, e-mail: zhmatenova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7457-3811>

Mazhitova Ainash Alibaykyzy, PhD student in Philosophy, Faculty of Journalism and Social Sciences, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, 010008, Republic of Kazakhstan, e-mail: nicole_kz@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0362-9925>

Sagi Yernur, Master of Social Sciences, Junior Researcher, Toraighyrov University, Pavlodar, 1400008, Republic of Kazakhstan, e-mail: holy_1992@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8449-8269>

Salimova Raigul Sabyrovna, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Humanities and Social Sciences, Toraighyrov University, Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan, e-mail: salimova_raigul@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6747-4620>

Sevalnikov Andrey Yuryevich, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 109240, Russian Federation, e-mail: sevalnicov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7712-9740>

Urazalieva Gulshat Kulumzhanovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Faculty of Sociology, Russian State Humanitarian University, Moscow, 125047, Russian Federation, e-mail: urazalieva@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7976-7527>

Zhumasheva Laura Zholdabaevna, Toraighyrov University, Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan, e-mail: laridose@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2142-0218>

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ТОРАЙҒЫРОВ УНИВЕРСИТЕТА. ГУМАНИТАРНАЯ СЕРИЯ»

Редакционная коллегия просит авторов руководствоваться следующими правилами при подготовке статей для опубликования в журнале.

Научные статьи, представляемые в редакцию журнала должны быть оформлены согласно базовым издательским стандартам по оформлению статей в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов», пристатейных библиографических списков в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

***В номер допускается не более одной рукописи от одного автора либо того же автора в составе коллектива соавторов.**

***Количество соавторов одной статьи не более 5.**

***Степень оригинальности статьи должна составлять не менее 60 % (согласно решению редакционной коллегии).**

***Направляемые статьи не должны быть ранее опубликованы, не допускается последующее их опубликование в других журналах, в том числе переводы на другие языки.**

***Решение о принятии рукописи к опубликованию принимается после проведения процедуры рецензирования.**

***Двойное рецензирование (слепое) проводится конфиденциально, автору не сообщается имя рецензента, а рецензенту – имя автора статьи.**

***Статьи отправлять вместе с квитанцией об оплате. Стоимость публикации в журнале за страницу 1000 (одна тысяча) тенге, включая статьи магистрантов и докторантов в соавторстве с лицами с ученой степенью.**

***Оплата за статью не возвращается в случае, если статья отклонена антиплагиатом или рецензентом. Автор может повторно отправить статью на антиплагиат или рецензирования 1 раз.**

Редакция не занимается литературной и стилистической обработкой статьи.

Если статья отклонена антиплагиатом или рецензентом, статья возвращается автору на доработку. Автор может повторно отправить статью на антиплагиат или рецензирования 1 раз. За содержание статьи несет ответственность автор.

Статьи, оформленные с нарушением требований, к публикации не принимаются и возвращаются авторам.

Датой поступления статьи считается дата получения редакцией ее окончательного варианта.

Статьи публикуются по мере поступления.

Периодичность издания журналов – четыре раза в год (ежеквартально).

Сроки подачи статьи:

- первый квартал до 01 февраля;
- второй квартал до 01 мая;
- третий квартал до 01 августа;
- четвертый квартал до 01 ноября.

Журнал «Вестник Торайғыров университета. Гуманитарная серия» выпускается с периодичностью 4 раза в год в сетевом (электронном) формате в следующие установленные сроки выхода номеров журнала:

- Первый номер выпускается до 30 марта текущего года,
- Второй номер – до 30 июня;
- Третий номер – до 30 сентября;
- Четвертый номер – до 30 декабря.

Статью (электронную версию и квитанции об оплате) следует направлять на сайт: <https://vestnik-humznitar.tou.edu.kz/>. Для подачи статьи на публикацию необходимо пройти регистрацию на сайте.

Лицо, которое внесло наибольший интеллектуальный вклад в подготовку рукописи (при двух и более соавторах), является автором-корреспондентом и обозначается «*».

Для осуществления процедуры двойного рецензирования (слепого), авторам необходимо отправлять два варианта статьи: первый – с указанием личных данных, второй – только содержание статьи.

Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии со следующими правилами:

– В журналы принимаются статьи по всем научным направлениям, набранные на компьютере, напечатанные на одной стороне листа с полями 30 мм со всех сторон листа, электронный носитель со всеми материалами в текстовом редакторе «Microsoft Office Word (97, 2000, 2007, 2010) для WINDOWS».

– Общий объем статьи, включая аннотации, литературу, таблицы, рисунки и математические формулы не должен превышать **12 страниц печатного текста**. *Текст статьи: кегль – 14 пунктов, гарнитура – Times New Roman (для русского, английского и немецкого языков), KZ Times New Roman (для казахского языка).*

Структура научной статьи включает название, аннотации, ключевые слова, основные положения, введение, материалы и методы, результаты и обсуждение, заключение, выводы, информацию о финансировании (при наличии), список литературы (используемых источников) к каждой статье, включая романизированный (транслитерированный латинским алфавитом) вариант написания источников на кириллице (на казахском и русском языках) *см. ГОСТ 7.79–2000 (ИСО 9–95) Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом.*

Статья должна содержать:

1 **МРНТИ** (Межгосударственный рубрикатор научной технической информации);

2 **DOI** – после МРНТИ в верхнем правом углу (присваивается и заполняется редакцией журнала);

3 **Фамилия, имя, отчество** (полностью) автора(-ов) – на казахском, русском и английском языках (*жирным шрифтом, по центру*);

4 **Ученая степень, ученое звание;**

5 **Аффилиация** (факультет или иное структурное подразделение, организация (место работы (учебы)), город, почтовый индекс, страна) – на казахском, русском и английском языках; ORCID;

6 **E-mail;**

7 **Название статьи** должно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В название статьи необходимо вложить информативность, привлекательность и уникальность (*не более 12 слов, прописными буквами, жирным шрифтом, по центру, на трех языках: русский, казахский, английский либо немецкий*);

8 **Аннотация** – краткая характеристика назначения, содержания, вида, формы и других особенностей статьи. Должна отражать основные и ценные, по мнению автора, этапы, объекты, их признаки и выводы проведенного исследования. Дается на казахском, русском и английском либо немецком языках (*рекомендуемый объем аннотации – не менее 150, не более 300 слов, курсив, нежирным шрифтом, кегль – 12 пунктов, абзацный отступ слева и справа 1 см, см. образец*);

9 **Ключевые слова** – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования (*оформляются на трех языках: русский, казахский, английский либо немецкий; кегль – 12 пунктов, курсив, отступ слева-справа – 1 см.*). Рекомендуемое количество ключевых слов – 5-8, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3. Задаются в порядке их значимости, т.е. самое важное ключевое слово статьи должно быть первым в списке (*см. образец*);

10 Основной текст статьи излагается в определенной последовательности его частей, включает в себя:

- **Введение / Кіріспе / Introduction** (абзац 1 см по левому краю, жирными буквами, кегль – 14 пунктов). Обоснование выбора темы; актуальность темы или проблемы. Актуальность темы определяется общим интересом к изученности данного объекта, но отсутствием исчерпывающих ответов на имеющиеся вопросы, она доказывается теоретической или практической значимостью темы.

- **Материалы и методы** (абзац 1 см по левому краю, жирными буквами, кегль – 14 пунктов). Должны состоять из описания материалов и хода работы, а также полного описания использованных методов.

- **Результаты и обсуждение** (абзац 1 см по левому краю, жирными буквами, кегль – 14 пунктов). Приводится анализ и обсуждение полученных вами результатов исследования. Приводятся выводы по полученным в ходе исследования результатам, раскрывается основная суть. И это один из самых важных разделов статьи. В нем необходимо провести анализ результатов своей работы и обсуждение соответствующих результатов в сравнении с предыдущими работами, анализами и выводами.

- **Информацию о финансировании (при наличии)** (абзац 1 см по левому краю, жирными буквами, кегль – 14 пунктов).

- **Выводы / Қорытынды / Conclusion** (абзац 1 см по левому краю, жирными буквами, кегль – 14 пунктов).

Выводы – обобщение и подведение итогов работы на данном этапе; подтверждение истинности выдвигаемого утверждения, высказанного автором, и заключение автора об изменении научного знания с учетом полученных результатов. Выводы не должны быть абстрактными, они должны быть использованы для обобщения результатов исследования в той или иной научной области, с описанием предложений или возможностей дальнейшей работы.

- **Список использованных источников / Пайдаланған деректер тізімі / References** (жирными буквами, кегль – 14 пунктов, в центре) включает в себя:

Статья и список использованных источников должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ 7.5-98; ГОСТ 7.1-2003 (см. образец).

Очередность источников определяется следующим образом: сначала последовательные ссылки, т.е. источники на которые вы ссылаетесь по очередности в самой статье. Затем дополнительные источники, на которых нет ссылок, т.е. источники, которые не имели место в статье, но рекомендованы вами читателям для ознакомления, как смежные работы, проводимые параллельно. Объем не менее 10 не более чем

20 наименований (ссылки и примечания в статье обозначаются сквозной нумерацией и заключаются в квадратные скобки). В случае наличия в списке использованных источников работ, представленных на кириллице, необходимо представить список литературы в двух вариантах: первый – в оригинале, второй – романизированный (транслитерация латинским алфавитом) вариант написания источников на кириллице (на казахском и русском языках) см. ГОСТ 7.79–2000 (ИСО 9–95) Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом.

Романизированный список литературы должен выглядеть следующим образом:

автор(-ы) (транслитерация) → название статьи в транслитерированном варианте → [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках] → название казахоязычного либо русскоязычного источника (транслитерация, либо английское название – если есть) → выходные данные с обозначениями на английском языке.

11 Иллюстрации, перечень рисунков и подрисуночные надписи к ним представляют по тексту статьи. В электронной версии рисунки и иллюстрации представляются в формате TIF или JPG с разрешением не менее 300 dpi.

12 Математические формулы должны быть набраны в Microsoft Equation Editor (каждая формула – один объект).

**На отдельной странице (после статьи)
В электронном варианте приводятся полные почтовые адреса,
номера служебного и домашнего телефонов, e-mail
(номер телефона для связи редакции с авторами, не публикуются);**

Сведения об авторах

На казахском языке	На русском языке	На английском языке
Фамилия Имя Отчество (полностью)		
Должность, ученая степень, звание		
Организация		
Город		
Индекс		
Страна		
E-mail		
Телефон		

140008, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Ломова, 64,
 НАО «Торайғыров университет»,
 Издательство «Toraighyrov University», каб. 137,
 Тел. 8 (7182) 67-36-69, (внутр. 1147).
 E-mail: kereku@tou.edu.kz

Наши реквизиты:

НАО «Торайғыров университет» РНН 451800030073 БИН 990140004654	Приложение kaspi.kz Платежи – Образование – Оплата за ВУЗы – Заполняете все графы (в графе Факультет укажите «За публикацию в научном журнале, название журнала и серии»)
АО «Народный Банк Казахстана» ИИК KZ156010241000003308 БИК HSBKZZKX Кбе 16 Код 16 КНП 861	

ОБРАЗЕЦ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

МРНТИ 04.51.59

DOI xxxxxxxxxxxxxxxx

С. К. Антикеева*, С. К. Ксембаева

Торайғыров университет, Республика Казахстан, г. Павлодар

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-1111-1111>²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2222-2222>*e-mail: samal_antikeeva@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ ЧЕРЕЗ КУРСЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

В данной статье представлена теоретическая модель формирования личностных и профессиональных компетенций социальных работников через курсы повышения квалификации, которая разработана в рамках докторской диссертации «Формирование личностных и профессиональных компетенций социальных работников через курсы повышения квалификации». В статье приводятся педагогические аспекты самого процесса моделирования, перечислены этапы педагогического моделирования. Представлены методологический, процессуальный (технологический) и инструментальный уровни модели, ее цель, мониторинг сформированности искомым компетенций, а также результат. В модели показаны компетентностный, личностно-ориентированный и практико-ориентированный педагогические подходы, закономерности, принципы, условия формирования выбранных компетенций; описаны этапы реализации процесса формирования, уровни сформированности личностных и профессиональных компетенций. В разделе практической подготовки предлагается интерактивная работа в системе слушатель-преподаватель-группа, подразумевающая личное участие каждого специалиста, а также открытие первого в нашей стране Республиканского общественного объединения «Национальный альянс профессиональных социальных работников». Данная модель подразумевает под собой дальнейшее совершенствование и самостоятельное развитие личностных и профессиональных компетенций социальных работников. Это позволяет увидеть в модели эффективность реализации курсов повышения квалификации, формы, методы и средства работы.

Ключевые слова: теоретическая модель, компетенции, повышение квалификации, социальные работники.

Введение

Социальная работа – относительно новая для нашей страны профессия. Поэтому обучение социальных работников на современной стадии не характеризуется наличием достаточно разработанных образовательных стандартов, которые находили бы выражение в формулировке педагогических целей, в содержании, технологиях учебного процесса [1, с. 58].

Продолжение текста публикуемого материала

Материалы и методы

Теоретический анализ научной психолого-педагогической и специальной литературы по проблеме исследования; анализ законодательных и нормативных документов по открытию общественных объединений; анализ содержания программ курсов повышения квалификации социальных работников; моделирование; анализ и обобщение педагогического опыта; опросные методы (беседа, анкетирование, интервьюирование); наблюдение; анализ продуктов деятельности специалистов; эксперимент, методы математической статистики по обработке экспериментальных данных [2, с. 48–69].

Продолжение текста публикуемого материала

Результаты и обсуждение

Чтобы понять объективные закономерности, лежащие в основе процесса формирования и развития личностных и профессиональных компетенций социальных работников через курсы повышения квалификации, необходимо четко представлять себе их модель [8; 9].

Продолжение текста публикуемого материала

Выводы

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что теоретическая модель формирования личностных и профессиональных компетенций социальных работников через курсы повышения квалификации содержит три уровня ее реализации [10].

Продолжение текста публикуемого материала

Список использованных источников

- 1 Дахин, А. Н. Педагогическое моделирование : сущность, эффективность и неопределенность [Текст] // Педагогика. – 2003. – № 4. – С. 22.
- 2 Кузнецова, А. Г. Развитие методологии системного подхода в отечественной педагогике : монография [Текст]. – Хабаровск : Изд-во ХКИППК ПК, 2001. – 152 с.

3 Каропа, Г. Н. Системный подход к экологическому образованию и воспитанию (На материале сельских школ) [Текст]. – Минск, 1994. – 212 с.

4 Штофф, В. А. Роль моделей в познании [Текст] – Л. : ЛГУ, 1963. – 128 с.

5 Таубаева, Ш. Методология и методика дидактического исследования : учебное пособие [Текст]. – Алматы : Казак университеті, 2015. – 246 с.

6 Дахин, А. Н. Моделирование компетентности участников открытого образования [Текст]. – М. : НИИ школьных технологий 2009. – 290 с.

7 Дахин, А. Н. Моделирование в педагогике [Текст] // Идеи и идеалы. – 2010. – № 1(3). – Т. 2 – С. 11–20.

8 Дахин, А. Н. Педагогическое моделирование: монография [Текст]. – Новосибирск : Изд-во НИПКиПРО, 2005. – 230 с.

9 Аубакирова, С. Д. Формирование деонтологической готовности будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования : дисс. на соиск. степ. д-ра филос. (PhD) по 6D010300 – Педагогика и психология [Текст] – Павлодар, 2017. – 162 с.

10 Арын, Е. М., Пфейфер, Н. Э., Бурдина, Е. И. Теоретические аспекты профессиональной подготовки педагога XXI века : учеб. пособие [Текст]. – Павлодар : ПГУ им. С. Торайғырова; СПб. : ГАФКиСим. П. Ф. Лесгафта, 2005. – 270 с.

References

- 1 Dahin, A. N. Pedagogicheskoe modelirovanie: suschnost, effektivnost i neopredelennost [Pedagogical modeling : essence, effectiveness, and uncertainty] [Text]. In Pedagogy. – 2003. – № 4. – P. 22.
- 2 Kuznetsova, A. G. Razvitie metodologii sistemnogo podhoda v otechestvennoi pedagogike [Development of the system approach methodology in Russian pedagogy : monograph] [Text]. – Khabarovsk : Izd-vo KhK IPPK PK, 2001. – 152 p.
- 3 Karopa, G. N. Sistemnyi podhod k ekologicheskomu obrazovaniyu i vospitaniyu (Na materiale selskih shkol) [The systematic approach to environmental education and upbringing (Based on the material of rural schools)] [Text] – Minsk, 1994. – 212 p.
- 4 Shtoff, V. A. Rol modelei v poznanii [The role of models in cognition] [Text] – L. : LGU, 1963. – 128 p.
- 5 Taubayeva, Sh. Metodologiya i metodika didakticheskogo issledovaniya : uchebnoe posobie [Methodology and methods of educational research : a tutorial] [Text] – Almaty : Kazak University, 2015. – 246 p.
- 6 Dahin, A. N. Modelirovanie kompetentnosti uchastnikov otkrytogo obrazovaniya [Modeling the competence of open education participants] [Text] – Moscow : NII shkolnyh tehnologii, 2009. – 290 p.

7 **Dahin, A. N.** Modelirovanie v pedagogike [Modeling in pedagogy] [Text]. In Idei i idealu. – 2010. – № 1(3). – Т. 2 – Р. 11–20.

8 **Dahin, A. N.** Pedagogicheskoe modelirovanie : monographia [Pedagogical modeling : monograph] [Text]. – Novosibirsk : Izd-vo NIPKiPRO, 2005. – 230 p.

9 **Aubakirova, S. D.** Formirovaniye deontologicheskoi gotovnosti buduschih pedagogov k rabote v usloviyah inklusivnogo obrazovaniya : dissertaciya na soiskanie stepeni doctora filosofii (PhD) po specialnosti 6D010300 – Pedagogika i psihologiya. [Formation of deontological readiness of future teachers to work in inclusive education : dissertation for the degree of doctor of philosophy (PhD) in the specialty 6D010300- Pedagogy and psychology] [Text] – Pavlodar, 2017. – 162 p.

10 **Aryn, E. M., Pfeifer, N. E., Burdina, E. I.** Teoreticheskie aspekty professionalnoi podgotovki pedagoga XXI veka : ucheb. posobie [Theoretical aspects of professional training of a teacher of the XXI century : textbook] [Text] – Pavlodar : PGU im. S. Toraighyrov PSU; St.Petersburg. : GAFKiS im. P. F. Lesgafta, 2005. – 270 p.

C. K. Antikeeva, C. K. Ksembaeva*

Торайғыров университет, Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.

БІЛІКТІЛІКТІ АРТТЫРУ КУРСТАРЫ АРҚЫЛЫ ӘЛЕУМЕТТІК ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРДІҢ ҚҰЗІРЕТТІЛІКТЕРІН ҚАЛЫПТАСТЫРУДЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ МОДЕЛІ

Бұл мақалада «Әлеуметтік қызметкерлердің біліктілігін арттыру курстары арқылы тұлғалық және кәсіби құзіреттіліктерін қалыптастыру» докторлық диссертация шеңберінде әзірленген біліктілікті арттыру курстары арқылы әлеуметтік қызметкерлердің тұлғалық және кәсіби құзіреттілігін қалыптастырудың теориялық моделі ұсынылған. Мақалада модельдеу процесінің педагогикалық аспектілері, педагогикалық модельдеудің кезеңдері келтірілген. Модельдің әдіснамалық, процессуалдық (технологиялық) және аспаптық деңгейлері, оның мақсаты, қажетті құзіреттердің қалыптасу мониторингі, сондай-ақ нәтижесі ұсынылған. Модельде құзіреттілікке, тұлғаға бағытталған және практикаға бағытталған педагогикалық тәсілдер, таңдалған құзіреттерді қалыптастыру заңдылықтары, қағидаттары, шарттары көрсетілген; қалыптасу процесін іске асыру кезеңдері, жеке және кәсіби құзіреттердің қалыптасу деңгейлері сипатталған. Практикалық дайындық бөлімінде тыңдаушы-оқытушы-топ жүйесінде интерактивті жұмыс

ұсынылады, ол әр маманның жеке қатысуын, сондай-ақ елімізде алғашқы «кәсіби әлеуметтік қызметкерлердің ұлттық альянсы» республикалық қоғамдық бірлестігінің ашылуын білдіреді. Бұл модель әлеуметтік қызметкерлердің жеке және кәсіби құзіреттерін одан әрі жетілдіруді және тәуелсіз дамытуды білдіреді. Бұл модельде біліктілікті арттыру курстарын іске асырудың тиімділігін, жұмыс нысандары, әдістері мен құралдарын көруге мүмкіндік береді.

Кілтті сөздер: теориялық модель, құзіреттілік, біліктілікті арттыру, әлеуметтік қызметкерлер.

S. K. Antikeeva, S. K. Ksembaeva*

Toraighyrov University, Republic of Kazakhstan, Pavlodar

THEORETICAL MODEL OF FORMATION COMPETENCIES OF SOCIAL WORKERS THROUGH PROFESSIONAL DEVELOPMENT COURSES

This article presents a theoretical model for the formation of personal and professional competencies of social workers through advanced training courses, which was developed in the framework of the doctoral dissertation «Formation of personal and professional competencies of social workers through advanced training courses». The article presents the pedagogical aspects of the modeling process itself, and lists the stages of pedagogical modeling. The methodological, procedural (technological) and instrumental levels of the model, its purpose, monitoring the formation of the required competencies, as well as the result are presented. The model shows competence-based, personality-oriented and practice-oriented pedagogical approaches, patterns, principles, conditions for the formation of selected competencies; describes the stages of the formation process, the levels of formation of personal and professional competencies. The practical training section offers interactive work in the listener-teacher-group system, which implies the personal participation of each specialist, as well as the opening of the first Republican public Association in our country, the national Alliance of professional social workers. This model implies further improvement and independent development of personal and professional competencies of social workers. This allows you to see in the model the effectiveness of the implementation of advanced training courses, forms, methods and means of work.

Keywords: theoretical model, competencies, professional development, social workers.

Сведения об авторах

На казахском языке	На русском языке	На английском языке
<p>Антикеева Самал Канатовна, «Педагогика және психология» мамандығы бойынша докторант, Гуманитарлық және әлеуметтік ғылымдар факультеті, Торайғыров университеті, Павлодар, 140008, Қазақстан Республикасы, e-mail: samal_antikeyeva@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-1111-1111-8-000-000-00-00</p>	<p>Антикеева Самал Канатовна, докторант по специальности «Педагогика и психология», Факультет гуманитарных и социальных наук, Торайғыров университет, Павлодар, 140008, Республика Казахстан, e-mail: samal_antikeyeva@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-1111-1111-8-000-000-00-00</p>	<p>Samal Kanatovna Antikeyeva, doctoral student in «Pedagogy and psychology», Faculty of Humanities and Social Sciences, Toraihyrov University, Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan, e-mail: samal_antikeyeva@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-1111-1111-8-000-000-00-00</p>
<p>Ксембаева Сауле Камалиденовна, педагогика ғылымдарының кандидаты, профессор, Гуманитарлық және әлеуметтік ғылымдар факультеті, Торайғыров университеті, Павлодар, 140008, Қазақстан Республикасы, e-mail: saule_K@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2222-2222-8-000-000-00-00</p>	<p>Ксембаева Сауле Камалиденовна, кандидат педагогических наук, профессор, Факультет гуманитарных и социальных наук, Торайғыров университет, Павлодар, 140008, Республика Казахстан, e-mail: saule_K@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2222-2222-8-000-000-00-00</p>	<p>Saule Ksembaeva, Candidate of pedagogic sciences, professor, Faculty of Humanities and Social Sciences, Toraihyrov University, Pavlodar, 140008, Republic of Kazakhstan, e-mail: saule_K@mail.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2222-2222-8-000-000-00-00</p>

ПУБЛИКАЦИОННАЯ ЭТИКА В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ («ВЕСТНИК ТОРАЙҒЫРОВ УНИВЕРСИТЕТ», «НАУКА И ТЕХНИКА КАЗАХСТАНА», «КРАЕВЕДЕНИЕ»)

Редакционная коллегия журналов «Вестник Торайғыров университет», «Наука и техника Казахстана» и «Краеведение» в своей работе придерживается международных стандартов по этике научных публикаций и учитывает информационные сайты ведущих международных журналов.

Редакционная коллегия журнала, а также лица, участвующие в издательском процессе в целях обеспечения высокого качества научных публикаций, во избежание недобросовестной практики в публикационной деятельности (использование недостоверных сведений, изготовление данных, плагиат и др.), обеспечения общественного признания научных достижений обязаны соблюдать этические нормы и стандарты, принятые международным сообществом и предпринимать все разумные меры для предотвращения таких нарушений.

Редакционная коллегия ни в коем случае не поощряет неправомерное поведение (плагиат, манипуляция, фальсификация) и приложить все силы для предотвращения наступления подобных случаев. В случае, если редакционной коллегии станет известно о любых неправомерных действиях в отношении опубликованной статьи в журнале или в случае отрицательного результата экспертизы редколлегии статья отклоняется от публикации.

Редакционная коллегия не должна раскрывать информацию о принятых к опубликованию рукописей третьим лицам, не являющимся рецензентами, потенциальными рецензентами, членами редакционной коллегии, работниками типографии. Неопубликованные данные, полученные из рукописей, не должны использоваться в личных исследовательских целях без письменного разрешения автора.

Ответственность экспертов (рецензентов)

Рецензенты должны давать объективные суждения и указывать на соответствующие опубликованные работы, которые еще не цитируются. К рецензируемым статьям следует обращаться конфиденциально. Рецензенты будут выбраны таким образом, чтобы не было конфликта интересов в отношении исследования, авторов и / или спонсоров исследования.

Ответственность авторов

Ответственность за содержание работы несет автор. Авторы обязаны вносить исправления, пояснения, опровержения и извинения, если такие имеются.

Автор не должен представлять статью, идентичную ранее опубликованной в другом журнале. В частности, не принимаются переводы на английский либо немецкий язык статей, уже опубликованных на другом языке.

В случае обнаружения в рукописи статьи существенных ошибок автор должен сообщить об этом редактору раздела до момента подписи в печать оригинал-макета номера журнала. В противном случае автор должен за свой счет исправить все критические замечания.

Направляя статью в журнал, автор осознаёт указанную степень персональной ответственности, что отражается в письменном обращении в редакционную коллегию Журнала.

Теруге 08.09.2025 ж. жіберілді. Басуға 30.09.2025 ж. қол қойылды.

Электронды баспа

940 Кб RAM

Шартты баспа табағы 4,43.

Таралымы 300 дана. Бағасы келісім бойынша.

Компьютерде беттеген: З. Ж. Шокубаева

Корректорлар: А. Р. Омарова, Д. А. Кожас

Тапсырыс № 4445

Сдано в набор 08.09.2025 г. Подписано в печать 30.09.2025 г.

Электронное издание

940 Кб RAM

Усл.печ.л. 4,43. Тираж 300 экз. Цена договорная.

Компьютерная верстка: З. Ж. Шокубаева

Корректоры: А. Р. Омарова, Д. А. Кожас

Заказ № 4445

«Toraighyrov University» баспасынан басылып шығарылған

Торайғыров университеті

140008, Павлодар қ., Ломов к., 64, 137 каб.

«Toraighyrov University» баспасы

Торайғыров университеті

140008, Павлодар қ., Ломов к., 64, 137 каб.

8 (7182) 67-36-69

e-mail: kereku@tou.edu.kz

vestnik-humanitar.tou.edu.kz